

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ
ТРУП

Полковник Гуров

Николай Леонов
Дипломатический труп

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Дипломатический труп / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-76345-0

В российском посольстве в Мексике при загадочных обстоятельствах погибает военный атташе. Местной полицией проведено расследование обстоятельств смерти дипломата, однако весьма поверхностное, так как из соображений государственной безопасности мексиканские стражи порядка не были допущены на территорию российского посольства. Дело поручают лучшим сотрудникам Московского уголовного розыска Гурову и Крячко. Сыщики прилетают в столицу Мексики и по дороге из аэропорта замечают за собой слежку. Этот факт наводит следователей на мысль, что в деле атташе не все так просто, как казалось на первый взгляд. Версия о смерти в результате несчастного случая, выдвинутая местными правоохранителями, отмечается москвичами как несостоятельная...

ISBN 978-5-699-76345-0

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Дипломатический труп	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Леонов, Алексей Макеев

Дипломатический труп (сборник)

Дипломатический труп

Глава 1

Эта дорогушая иномарка, лихо катившая по оживленной столичной улице, нагло притирала, подрезала, обгоняла других автомобилистов. Она сразу же бросилась в глаза и Льву Гурову, старшему оперуполномоченному главка угрозыска МВД России, и его старому другу, тоже оперу и тоже полковнику того же ведомства Станиславу Крячко. Сегодня у приятелей выдался относительно свободный день, и поэтому они решили съездить в «Поплавок-ривер» – магазин рыболовных принадлежностей.

Впереди ожидалось сразу два выходных, обещанных их непосредственным начальником и одновременно старым приятелем генерал-лейтенантом Петром Орловым. Их опера решили потратить на «самое святое» – рыбалку. Да и как иначе? Старые блесны, воблеры и тому подобное, не единожды апробированное острыми зубами шук, судаков и иных речных хищников, уже нуждались в замене. А лучшее из того, что мог предложить московский рынок рыболовных снастей, по твердому убеждению приятелей, имелось только в «Поплавке-ривер».

И вот, вырулив от главка на соседний шумный проспект, они сами едва не соприкоснулись, и весьма ощутимо, с этой взбесившейся «бэхой». Станислав вовремя успел нажать на педаль тормоза своего верного «мерина» – машины пусть и почтенного возраста, зато «откапитальной» и доведенной до отменной технической кондиции, и почти «на автопилоте» сумел уйти от удара, грозившего смять переднее левое крыло. Недоуменно похлопав глазами и отследив траекторию – нет, не езды, а, скорее, полета «бэхи», – он резко прибавил газу и со словами: «Ну, урода забугорная! Черта с два ты от меня уйдешь!» – ринулся в погоню за черным лимузином.

Гуров, усмехнувшись, негромко резюмировал:

– Вообще-то, ты тоже не на «Запорожце»...

– Да, вот, хрен уж там! – выписывая виражи между рядами машин и цепко удерживая взглядом «бэху», прорычал Крячко. – Мой «меринок» – он уже наш, обрусевший. Он столько верст по России намерил, что давно и думать забыл про свою Германию... Наш он! И только – наш!

А нагловатый лимузин продолжал свою сумасшедшую гонку, чудом не врезаясь во встречные или обгоняемые им машины. Как назло, нигде поблизости видно не было машин гаишников. Поэтому надеяться на то, что лихача остановят, не приходилось. Лев достал свой сотовый и, набрав номер городского отдела автоинспекции, сообщил о гонке по Бородинскому проспекту. Дежурный, принявший его звонок, пообещал, что через пару минут дэпээсники обязательно остановят этого «шумахера».

– Ты уж сам-то смотри никого не «поцелуй!» – наблюдая за азартной гонкой, учиненной приятелем, напомнил Гуров.

– Не бойсь, Лева! Не первый год замужем! – продолжая давить на акселератор, парировал Стас. – Я вот опасуюсь, как бы эта тварь людей не подавила...

Словно в ответ на его тревогу вдаль загорелся зеленый сигнал светофора пешеходного перехода. Автомобили, ехавшие по проспекту, сразу же начали замедлять ход. Но только не «бэха». Лимузин, напротив, еще и прибавил скорость.

– Куда он гонит, урод! – встревожился Лев, увидев как впереди на пешеходный переход ступила женщина, несущая на руках дочурку. – Стой! Куда ты?!

Но женщина, как видно, не замечая из-за скопившихся у широкой белой линии машин ошалело летящего лихача, уже дошла до середины правой стороны улицы. Далее все происходило как в замедленном кино. Вот «БМВ» огибает крайнего слева по своей стороне, вот он резко берет вправо, словно задавшись целью обязательно кого-то убить, вот женщина, увидев опасность, отступает назад...

Удар! Хотя лобового соприкосновения с машиной маме с малышкой избежать и удалось, боком лимузина ее все же отбросило в сторону. Упав, она покатила по асфальту. К ней тут же бросились прохожие и автомобилисты из стоящих поблизости машин. Послышались встревоженные и возмущенные возгласы. При виде этого вопиющего безобразия Станислав рассвирепел окончательно.

– Ну, все, урод поганый! – жестко сказал он. – Ты сейчас об этом очень пожалеешь!

Гуров понял – его друг теперь и машиной пожертвует, но лихача остановит гарантированно. Они тоже обогнули стоящих перед ними и ринулись по трассе вслед за «бэхой», успевшей убежать далеко вперед. Но прижимать лихача своим боком к краю дороги Стасу не пришлось. Тот сам нашел себе препятствие, с которым разминуться уже не смог. Синяя «четверка», которую «шумахер», как видно, планировал обойти справа, перестраивалась для правого поворота и резко затормозила на перекрестке под светофором. Лихач впервые за все время гонки ударил было по тормозам, о чем говорили вспыхнувшие его стоп-сигналы, но было уже поздно. «Бэха» весьма ощутимо вцепилась в зад изделию тольяттинского автозавода.

Когда «мерин» подрулил к «бэхе», чтобы не позволить ей сдать назад и скрыться, у столкнувшихся машин события развивались своим чередом. Выскочившие из «четверки» двое загорелых парней (Льву почему-то захотелось назвать их «комбайнерами») в одинаковых камуфляжных ветровках решительно подступили к водительской дверце «БМВ». Из салона лимузина им навстречу вывалил рыхловатого вида ломовик с багровой физиономией явно находившегося в подпитии человека. Даже издали было заметно, что он крайне недоволен происшедшим.

Брызжа слюной, «шумахер» стал размахивать кулаками, затем неожиданно выхватил из кармана пистолет и нацелил его на одного из «комбайнеров». Опера уже собирались десантироваться из своей машины, чтобы вмешаться в происходящее, но этого не понадобилось. Выказав отвагу, «комбайнеры» решительно и жестко дали ему решительный отпор.

В тот же самый миг, как был извлечен пистолет, водитель «четверки», оказавшийся справа, резко пригнулся и ринулся вперед. Не давая произвести прицельный выстрел, своим левым локтем он подбил руку «гонщика» вверх, а правым кулаком провел мощнейший прямой в корпус. Судя по всему, он попал точно в солнечное сплетение, поскольку здоровяк на несколько мгновений замер, разинув рот и выпучив глаза. Другой «комбайнер», не менее проворно подскочив справа, вырвал из руки «шумахера» пистолет и вцепил носком крепкого ботинка в середину его бедра. Получив два крайне болезненных удара, лихач осел вниз и скрючился от боли. Его «оппоненты», отвесив ему еще по паре хороших пинков, запрыгнули в свою машину и, дав газу, умчались. Свернув вправо, они скрылись в потоке машин на примыкающей улице.

Теперь уже не торопясь, опера подошли к побитому «гонщику» и, подняв его с асфальта, потребовали предъявить права и документы на автомобиль. Ошарашенный лихач, выпучив глаза, возмущенно возопил о том, что это он пострадавший, и не у него, а у «каких-то тупых лошар», которые нанесли ему «необоснованные побои», надо требовать документы. И ваще, они еще не знают, на кого «наехали»! Он, между прочим, сын очень крупного человека, у которого достаточно полномочий, чтобы «любой мент недотыканный остался без погон».

– ... Вот вам по бумажке, – доставая из кармана две пятитысячные купюры, чванливо объявил он, – и валите отсюда оба! Ну, че, непонятно, что ль?

– Отлично! – с нескрываемой иронией произнес Гуров. – Предложение взятки должностным лицам. Статья двести девяносто первая, часть третья УК, срок до восьми лет. Это вдобавок к сроку за езду в пьяном виде, двукратное превышение скорости и наезд на женщину с ребенком. Ну, что? По совокупности, даже с частичным поглощением, тебе светит лет двенадцать – как минимум.

Поспешно сунув деньги обратно в карман, аварийщик достал телефон и трясущейся от злости рукой начал набирать чей-то номер, желчно цедя сквозь зубы:

– А вот шиш вы чего докажете! Где свидетели, что я вам бабки предлагал? Сейчас папашке звякну, он из вас всю дурь в два счета выбьет.

В этот момент к ним подъехали дэпээсники на своем авто с мигалками. По их словам, они задержались у места ДТП, где отморозенный недоумок сбил людей. По словам пожилого капитана, потерпевшие, к счастью, сильно не пострадали, отделались ушибами и ссадинами.

– ... Ребенок так-то ничего – мать весь удар приняла на себя, – добавил он. – А вот ей самой досталось ощутимо. Возможно, трещина в лучевой кости и сотрясение головного мозга. Ну, что, Круглюхин, опять куролесишь? Тебя же всего неделю назад лишили прав на год. Как ты мог сесть за руль без документов, да еще и пьяный? – капитан укоризненно посмотрел на лихача.

Но тот на его слова даже не отреагировал. Услышав в телефоне отклик, он нарочито громко заговорил со своим собеседником:

– Короче, па, меня на «Бородинке» тормознули менты, шьют дело, будто я кого-то сбил. А, да! Меня только что избili двое каких-то козлов. И эти менты, вместо того чтобы тех уродов найти и заластать, на меня самого наезжают. Ну, че, я жду? Ты как? А-а-а... Понял! Так, кто тут самый крутой? – оглядевшись, наглым, вызывающим тоном поинтересовался он. – «Трубу» кому дать? Мой батя хочет пару «ласковых» толкнуть. Кому?

– Давай! – Гуров невозмутимо взял телефон и, услышав заданный высокомерным тоном вопрос «Кто?!», лаконично отреагировал: – Полковник Гуров. Главное управление угрозыска. А с кем я говорю?

– Председатель госкомитета по правовым спорам хозяйствующих субъектов Андрей Андреевич Круглюхин. Слушай, полковник, что там за наезды на Виктора?

Все тем же невозмутимым тоном, изложив причины, каковые могут привести его обожаемого сынка на скамью подсудимых, Лев добавил:

– ... Кроме пьяной езды без прав и ДТП с пострадавшими, ваш сын предлагал взятку. Это зафиксировано видеосъемкой. Так что в отношении него предполагается целый «букет» статей УК.

– Но вести видеосъемку без соответствующего правового обоснования вы не имели права! – уже почти проорал Круглюхин-старший.

– А съемка ведется авторегистратором, который забыли выключить, что законом, в общем-то, не возбраняется, – насмешливо парировал Лев, наблюдая за скисшим начальственным сынком, который, как видно, уже понял, что луженая глотка его папочки в этой ситуации едва ли поможет.

В трубке некоторое время царило растерянное молчание. Наконец Круглюхин-старший снова подал голос, но теперь он говорил совсем другим тоном:

– Слушай, полковник, строго между нами. Ты чего хочешь?

– Лично для себя – абсолютно ничего, – спокойно уведомил Гуров. – Я действую в рамках закона и в пределах своих должностных обязанностей. Виктор Круглюхин грубо нарушил закон, ведет себя хамски, вызываяще, так что дров наломал сверх всякой меры. Поэтому он будет отвечать за то, что уже успел натворить. Если все то, что случилось сегодня, спустить на

тормозах, завтра он, не исключено, уже специально будет давить людей. Ну, раз все постоянно сходит с рук – чего ж не поразвлечься?

– Твой начальник – Орлов? – спросил Круглюхин с уже нескрываемой ненавистью. – Ладно, сейчас с ним поговорим! Запомни, полковник: мой сын не сядет, как бы тебе этого ни хотелось. А вот сам ты о многом еще пожалеешь.

– Ага! Трясусь и падаю! – не скрывая насмешки, парировал Лев, сунув телефон окончательно скукожившемуся мажору, который, скорее всего, впервые в жизни столкнулся с тем, что авторитет его папашки ничего не значит.

– Плохо кончишь! – коротко бросил Гуров и обернулся к капитану: – Оформляйте все как положено, без жалостливых соплей и оглядки на любые авторитеты. Сегодня он – авторитет, а завтра его, глядишь, уже и нет. Все без исключения занести в протокол. В том числе и попытку дачи взятки. Вам все понятно?

– Так точно! – охотно кивнул тот и взглядом указал Круглюхину на свою машину. – Пошли, запишем твои показания. Я же тебе говорил, что встретимся очень скоро. А ты мне не верил. Давай, давай, шевелись!

Когда приятели снова тронулись в путь, неожиданно ожил телефон Льва. Достав из кармана мобильник, Гуров иронично отметил:

– Вот, склочник дешевый! Уже Петрухе наябедничать успел. Какая же он все-таки сволочь, этот Круглюхин! Так же как и его прибабахнутый сынок.

Услышав голос Орлова, он с сарказмом уточнил:

– Что, Петро, Круглюхин поплакался в жилетку?

– Круглюхин? – недоуменно переспросил тот. – А, это то хамло из правового комитета хозяйствующих субъектов? А он чего должен плакаться? У вас с ним, что, были трения?

Выслушав лаконичное изложение событий последней четверти часа, Петр недоуменно хмыкнул.

– Ну и скотина! – констатировал он. – Да, правильно говорят про яблоньку и яблочко... Нет, мне он пока что не звонил. А позвонит – пошлю «вдоль по Питерской». Слушай, Лева, блеснами вы там еще не запаслись?

Почувяв какой-то подвох, Гуров с нотками подозрительности поинтересовался:

– Слушай, Петро, ты уж говори прямо: намекаешь, что выходных у нас не будет, а взамен хочешь кинуть на очередную «амбразуру»?

В ответ генерал смущенно покашлял и сокрушенно-виновато подтвердил:

– Ну да, понимаешь... Только это, Лева! Пойми правильно – ситуация такова, что нужны профи именно, я бы назвал, международного масштаба, уже не раз работавшие за границей. А кто у меня из таких спецов? Только вы со Стасом... К тому же дело из горячих. Тут каждая минута на вес золота – промедления допустить нельзя ни в коем разе. Тут... Знаешь, такая морока!..

– И что же там за морока, где-нибудь в Марокко? – в тон ему спросил Лев, но с изрядной дозой иронии.

Издав вздох, Петр согласился:

– Почти угадал, Лева, – это далеко. Только не в нашем полушарии. Это – в столице Мексики, в городе Мехико.

От неожиданности Гуров даже присвистнул. Повернувшись к Стасу, с интересом вслушивающемуся в их диалог, с саркастичным смехом он сообщил:

– Ты не поверишь! Он нас в Мексику хочет заслать!

Тот, чего и следовало ожидать, на столь «радостную» новость отреагировал крайне бурно и эмоционально. Бросив руль и всплеснув руками, Крячко недовольно выпалил:

– Это что за беспредел?! Нет, ну надо же! Не успел выходные дать, как уже их забирает. Скажи ему, Лева, пусть дурью не мается. Мы едем на рыбалку, даже если Земля сойдет

с орбиты! Вон, пусть посылает майора Черепковского. Этот чувак со своими суперменскими закидонами и в какую-нибудь Папуасию поехал бы, не то что в Мексику!

...Упомянутый Стасом майор Черепковский – представительный, гламурно-светский мужчина лет тридцати восьми, появившийся в штате главка всего месяц назад, с первых же дней создал вокруг себя ореол некоего супермена. Он щеголял фразами сразу на нескольких языках. В том числе изъяснялся по-английски, немецки, французски, испански и даже по-японски. По рассказам майора, он успел объехать полмира, побывав в десятках стран.

Он без натуги щеголял названиями даже таких экзотических городов, как мадагаскарский Антананариву или латиноамериканская Тегусигальпа. Кроме того, Черепковский (по его словам) в совершенстве владел борьбой хампу туземцев острова Думкша, находящегося в составе индонезийского архипелага, где майор прожил почти полгода. Он живописал, как участвовал в национальном чемпионате островитян по хампу, где стал абсолютным чемпионом и в качестве награды получил местную королеву красоты.

Как с первых же дней успели заметить старожилы главка, интимная тема для Черепковского была пунктиком особым. О чем бы он ни говорил, о чем бы ни рассказывал – или как раскрыл некое, особо запутанное дело, или как участвовал в погоне за кошмарным маньяком, или как изобличил тайную сеть неких мафиозных структур, – в ходе повествования обязательно какая-нибудь участница событий в него влюблялась насмерть. Это была или подруга главаря банды, или спасенная майором дочь миллионера, или случайная свидетельница по делу. Но все они, пылая страстью к симпатяге-майору, сами тащили его в постель.

Считая себя писанным красавцем, Черепковский и в главке пытался проявить свои салонные таланты. Положив глаз на Верочку, секретаршу Орлова, он усиленно распускал перед ней свой павлиний хвост, говорил комплименты и нес иную донжуанскую чушь. Однако с Верочкой его ждал облом. В очередной раз выслушав цветистые речи майора, скучающе зевнув, Верочка обронила:

– Слушай, ты с какого дуба рухнул?

Обескураженный Черепковский немедленно ретировался и в стенах главка уже не рисковал искать себе легкодоступных утех. В плане дамоугодничества он с ходу обошел общеизвестного жено- и жизнелюба Станислава Крячко. Впрочем, Стас этому ничуть не огорчился. Он-то, напротив, очень хотел бы, чтобы его воспринимали исключительно как некоего стойка и аскета. Впрочем, это было совершенно несбыточной мечтой. Его имидж сердцеда ничуть не померк даже в лучах черепковской славы.

Разумеется, большинство сотрудников главка к болтовне Черепковского относились с известной долей иронии и скепсиса (Крячко в первую очередь). Фамилия майора в «конторе» с первых же дней стала нарицательной. Если кто-то хотел сказать своему собеседнику, что тот изрядно заврался, он ему говорил: «Ну, ты, блин, прямо Черепковский!..»

...Уловив краем уха суждение Стаса, Петр сердито отреагировал:

– Что он там несет? Лева, про Черепковского лучше мне не напоминайте! Кстати, на днях я его перевожу в угрозыск или Мытищ, или еще куда подальше. Ехать должны только вы. Мужики! Ну, выручите! А? Вот в прошлом месяце, после истории с министерским этим сутенером Сивяркиным, я же дал вам аж три дня отдыха. И не где-нибудь, а в Адлере! Думаешь, вы эти дни в главке не нужны были? Ого! Еще как требовались. Но я тем не менее вам навстречу пошел! Было? Было!..

Устало вздохнув – чтобы переспорить Петра, нужно было обладать не обычными, человеческими нервами, а стальными канатами, – Гуров обреченно спросил:

– Ну, и что же нам теперь, возвращаться в главк?

– Да, Лева! И чем скорее, тем лучше, поскольку отправиться вам придется прямо сегодня. Билеты, кстати, на вас персонально уже заказаны.

Слушая эту часть диалога, Крячко крайне возмутился.

– Лева, ты что? Уже сдался? Да зачем нам это нужно? Ешкин кот! Ну, Петро! Ну, зараза занудная!

Он сбавил скорость и, немного постояв напротив «Поплавка-ривер», после тягостно-печального вздоха снова включил передачу.

– Эх, надо было, как и собирался, после возвращения с Курил подать рапорт об отставке, – пробурчал он, разворачиваясь в сторону главка. – Как знал, что опять свинью подложат!.. Вот и не верь в примету, что если с утра с каким-нибудь козлом столкнешься, то удачи не видать. Вот, пожалуйста! Факт налицо!..

* * *

Когда приятели прошли через дежурку и направились к кабинету Орлова, в коридоре они разминулись с майором Черепковским. Тот, просясь голливудской улыбкой, с многозначительным видом поприветствовал Льва и Станислава:

– Здравия желаю! Вам, говорят, крупная удача выпала? В Мексику полетите?

Приятели недоуменно переглянулись – этот-то откуда знает?! Это, что же, весь главк уже в курсе об их поездке?

– Добрый день... – сдержанно ответил Лев, испытующе глядя на майора. – А что, коллектив нашей «конторы» об этом знает?

– Лев Иванович! – Черепковский жизнерадостно хохотнул. – Об этом знает Верочка. А то, о чем знает женщина, окружающие просто не могут не знать. Завидую вам! Через несколько дней будет полнолуние. А в это время в одном из кварталов Мехико – по-моему, он называется Чатль-то-Котль, что в переводе с древнеацтекского на русский означает Цветок Агавы, проводится секс-парад, в котором принимают участие девушки определенной профессиональной ориентации, порнозвезды, юные фотомодели...

– Что-то об этом не слышал ни разу... – Крячко с сомнением пожал плечами. – А в честь чего он, этот самый секс-парад?

– Ну, скажем так, праздник жизни как таковой, – ухмыльнулся Черепковский. – Он проводится исключительно после наступления ночи, при свете полной тропической луны. Мне доводилось видеть... Это – нечто невероятное и незабываемое. Представляете, сотни молодых смуглотелых красоток, в одном лишь наряде из перьев, исполняющие зажигательные пляски...

С трудом сдержавшись, чтобы не рассмеяться, Гуров сдержанно осведомился:

– ...И с одной из них у вас, конечно же, было интимное свидание?

Издав неопределенное «Гм!», майор сокрушенно сказал:

– Увы, там это не допускается. Это всего лишь как бы демонстрация «товара лицом». Но все равно зрелище феноменальное... – Он с мечтательной миной покрутил головой и направился дальше, обронив напоследок: – Счастливого пути!

– Да уж, спасибо! – кивнул Станислав.

Гуров, глянув вслед Черепковскому, насмешливо процитировал:

– «Помню, как сейчас: лечу, это я, значит, леч-у-у...» Знаменитый монолог Лягушки-путешественницы. По-моему, врет и глазом не моргнет!

Ничего не ответив, Крячко задумчиво потер кончик носа.

– Судя по этому жесту, черепковская байка тебя заинтересовала? – поинтересовался Лев, окинув приятеля насмешливым взглядом.

Неизвестно по какому поводу вздохнув, Стас сунул руки в карманы и, нахмутив лоб, в раздумье произнес:

– Может, врет, а может, и нет... А ты бы не хотел увидеть что-то наподобие? Я бы рискнул... Черт! Заинтриговал, собака. Что-то мне теперь уже даже захотелось туда отправиться.

Слушай! А может, это Петро такую подставу устроил, типа: пойдя, навешай им лапши, чтобы не вздумали рыпаться? Как думаешь?

– Маловероятно... – не согласился Гуров, открывая дверь приемной. – Мы-то уже, по сути, свое «добро» дали. Какой смысл подсылать агитатора, тем более такого, о котором он и сам слышать не хочет?

Секретарша Верочка, о чем-то секретничавшая по телефону с одной из своих подружек, при появлении оперов поспешно прикрыла микрофон ладошкой и, хитро улыбнувшись, поинтересовалась:

– Как самочувствие? Уже предвкушаете красоты Мехико и его окрестностей? У нас тут октябрь, погода промозглая, противная. А у них там – красота, тропики! Завидую...

– Хочешь, привезем тебе настоящее мексиканское сомбреро! – подмигнув, пообещал Стаснислав.

Верочка наморщила носик и мечтательно попросила:

– Лучше что-нибудь друго-о-е... Сомбреро мне не идет. Однажды уже примеряла...

Петр Орлов, прижав к уху трубку городского телефона, только что не рычал ягуаром на своего собеседника на том конце провода.

– ...Визы нужны уже сегодня, сейчас же! Вы это понимаете? Дело государственной важности. У вас что, нет своих каналов ускоренного оформления виз?

Выслушав ответ, он устало вздохнул и положил трубку на аппарат.

– Вот еще, растуды его! – посетовал он, сцепив меж собой пальцы рук. – Еле договорился, чтобы вы могли вылететь хотя бы в шестом часу.

Приятель молча переглянулись. С какого-то момента они вдруг почти физически ощутили, сколь далеко им придется улететь – считай, на другой конец света. Мексиканский городской!

– Слушай, ты уж хотя бы рассказал, что там за преступление века нам придется раскрывать. – Гуров говорил как будто очень даже спокойно, но в его голосе проскальзывали нотки усталого раздражения. – А то лететь уже – вот-вот, а мы вообще ни бум-бум, что там и как. Слушаем!

Петр неспешно пояснил причины, вынудившие его отозвать их с выходных и командировать в Западное полушарие. Как оказалось, сегодня утром ему позвонили из МВД и сообщили о том, что МИД просит отправить в Мехико лучших специалистов главка в связи с загадочной смертью временно исполняющего обязанности военного атташе, которого звали Максим Горбылин. Исполняющим обязанности он стал месяца четыре назад, вместо заболевшего атташе, который до этого проработал около десяти лет и предмет своей деятельности знал досконально.

Врию атташе ранее несколько лет работал в одной из стран Бенилюкса. Правда, ни в чем особенном себя там не проявил – ни с хорошей, ни с плохой стороны. Поэтому и был направлен в Мексику, чтобы в новых условиях раскрыл себя более полно. Но он и в Мексике остался тем же, чем был и ранее, – «ни рыба, ни мясо». Поэтому посольство, можно сказать, с нетерпением ждало своего основного сотрудника. И, надо сказать, через пару недель тот и в самом деле должен был вернуться к исполнению своих служебных обязанностей, а Горбылин отбыть обратно в Россию для того, чтобы получить новое назначение. Но, получилось совсем иначе...

– ...Около суток назад, – продолжил свой рассказ Орлов, – в Мексике в это время была ночь, сотрудники заметили, что атташе отчего-то не пришел на ужин в посольскую столовую. Охранник и один из технических сотрудников пошли его проведать. Дверь в его комнату была заперта, на стук он не откликнулся, хотя имелись свидетели того, что атташе находится у себя. Вскрыли замок запасным ключом и увидели Горбылина лежащим без признаков жизни у самой двери. Вызвали врача. Он признал, что, возможно, смерть наступила от остановки сердца. Но до этого атташе никогда на здоровье не жаловался. Он занимался плаванием, ходил в посольскую, как их теперь называют, фитнес-группу.

– Ну а почему же нельзя было подключить местную полицию? – Стас недоуменно пожал плечами.

– А потому, что территория посольства – это фактически часть территории России, – с назиданием произнес Петр. – Полицию-то там в известность и так поставили, и общие следственные действия были проведены. Но вот что касается детального расследования, тут иностранцам уже делать нечего. Рядом – США, наш главный геополитический соперник. И где гарантия, что после работы местного пинкертона посольство не будет нашпиговано подсматривающими и подслушивающими устройствами? То-то же! Как говорится, враг не дремлет...

Обговорив некоторые частные моменты предстоящей поездки, опера отправились собираться в дорогу.

Лев, прибыв домой, начал укладывать вещи в дорожную сумку. Но предварительно он позвонил в один из ведущих столичных театров и уточнил – не на репетиции ли сейчас его жена, прима актерского состава Мария Строева? Звонить ей напрямую и отрывать от репетиции Гуров считал моветоном. Впрочем, как оказалось, репетиция только что закончилась и актеры ушли на перерыв.

Услышав голос жены, Лев, стараясь не драматизировать, в нескольких словах сообщил о том, что отбывает в дальнюю командировку.

– ...Сегодня со Стасом вылетаем в Мехико, расследовать смерть одного из сотрудников нашего посольства, – пояснил он. – Надеюсь, за неделю управимся.

– Ну во-о-о-т! – огорченно протянула Мария. – А у нас завтра премьера новой постановки. Я так надеялась, что вы со Стасом придете... Ну, Петр! Он вами, я гляжу, как своими посыльными разбрасывается. Только недавно на Дальний Восток посылал, и опять вам надо отправляться куда-то очень далеко. Ну... Что уж теперь поделаешь? Счастливо вам и доехать, и вернуться домой...

Включив компьютер, Гуров нашел в поисковой системе правила въезда на территорию Мексики. Как оказалось, они не слишком отличались от требований многих других стран.

– Та-а-к... И что же можно брать с собой? – открывая первую по списку статью, пробормотал Лев, вчитываясь в строки текста.

Как оказалось, можно взять одежду, только не ту, что с этикетками из магазина, и предметы личной гигиены. Задекларированную инвалюту можно ввозить без ограничения. Нацвалюту Мексики – не более пяти тысяч... Чего? Что это за аббревиатура? То ли – эм ха эр, если считать буквы кириллицей, то ли – эм экс пи – если это латиница.

– ...Ладно, разберемся, – Гуров продолжил разговор с самим собой. – Хотя чего разбираться-то? Пяти тысяч мексиканских долларов нам гарантированно не дадут!..

Далее из текста следовало, что с собой можно взять всего один фотоаппарат, можно провозить и консервированное мясо. Правда, за исключением свинины. Это Гурова несколько озадачило – а что это вдруг мексиканцы возражают против свинины? Они же в основной своей массе католики, а не мусульмане или иудеи. Что за дискриминация этого вида продуктов? В числе таможенно-туристических прибабахов, запрещающих ввоз, оказалось довольно-таки многое. Например, наркотики. Прочитав этот пункт, Гуров от души рассмеялся – а чего их туда везти, если их там и своих с избытком?! Нельзя – свежие продукты питания (получается, протухшие – можно?!) А еще – фрукты, овощи и... мясные консервы. Причем любые. Прочитав этот пункт, Лев некоторое время пытался осмыслить подобную странность. Значит, в части разрешающей – можно, а в части запрещающей нельзя?! Кто их только сочинял, эти правила?..

– Ну, твою дивизию, страна сомбреро и текилы, – откинувшись на спинку кресла, Гуров покачал головой. – Да и что переживать насчет того, что можно и чего нельзя? Возьмем с собой только то, что съедим в дороге. А в Мехико чем-нибудь да накормят.

Не менее занимательным оказался и список того, чего уже из самой Мексики вывозить никак нельзя: археологические ценности, антиквариат, драгметаллы и драгоценные камни.

– Мы на это и не покушаемся... – заключил Лев, выключая компьютер.

Теперь нужно было пообедать, забежать в соседний книжный магазин и купить там путеводитель по Мехико, а также русско-испанский разговорник. Английским он владел неплохо, но все ли в Мексике понимают этот язык?

Перед тем как переступить порог квартиры (с некоторых пор, отправляясь в дальнюю поездку, по совету одной старой цыганки Лев выходил из квартиры только спиной – это, уверяла та, повышало шансы вновь войти в эту же дверь своими ногами), он подошел к платяному шкафу и достал из устроенного там тайника саблю воеводы. Ту самую, что когда-то ему прислала сибирская шаманка Вера. Правой рукой Гуров сжал ее рукоять, а левой охватил холодный металл полированного клинка, вглядываясь в замысловатые узоры древнего булата.

Он уже не раз замечал, что если взял в руки саблю перед отправкой на какое-то особо ответственное расследование, то работа обязательно шла без срывов и тем более провалов. Лев суеверным не был, но допускал, что внутренняя энергетика старинного оружия каким-то образом влияла на его собственную, обостряя логику и интуицию. Впрочем, подобную манипуляцию он никогда не производил в присутствии Марии. Да и своему лучшему другу Стасу об этом никогда не рассказывал – а зачем? Все это – только для «личного потребления».

... Ближе к четырем он уже сидел в зале ожидания аэропорта Шереметьево и, пролистывая купленные книги, еще пахнущие типографской краской, без конца поглядывал в сторону входа. Стас, что для него было делом обычным, где-то задерживался, хотя уже началась регистрация. Сам Гуров приехал сюда на такси и, выйдя из авто, увидел у входа замначальника информотдела главка капитана Жаворонкова. Тот привез билеты на самолет и их со Стасом загранпаспорта с проставленными там визами.

Когда Лев уже собрался созвониться с Крячко, чтобы выяснить, где того нелегкая носит, за стеклянной дверью мелькнул знакомый силуэт, и Стас, как всегда, взъерошенный, зато жизнерадостный, с нахальной улыбкой, проследовал через зал в его сторону.

Они направились к своему терминалу и... Все закрутилось в обычном порядке – регистрация, пограничный и таможенный контроль, посадка на самолет и, наконец, взлет аэробуса. Места Льву и Станиславу достались в середине салона, да еще и в экономклассе – почти в самом хвосте. Видимо, финансисты главка, подстрекаемые общеизвестной жабой, которая имеет свойство душить жадин и завистников, купили для них самые дешевые билеты из имевшихся в наличии.

Заняв свое место, Гуров продолжил поочередно штудировать то путеводитель, то разговорник. Для удобства чтения он включил специальную подсветку на спинке кресла. Стас, раз другой покосившись в его сторону, решительно взял освободившийся на тот момент разговорник.

– Дай-ка, я тоже малость поработаю извилинами... – объявил он и, открыв первую страницу, начал мысленно повторять испанские слова и фразы в надежде хоть что-то запомнить.

Лев тем временем изучал своего рода «турминимум», необходимый для въезжающего в Мексику. Он уже успел почерпнуть из справочника путеводителя информацию о том, что Мехико, имеющий вместе с пригородами население более двадцати миллионов человек, – одна из самых высокогорных столиц – свыше двух километров над уровнем моря. Воздух в этом городе довольно-таки сильно разрежен, и поэтому первое время вновь прибывшим приходится непросто. Правда, обнадеживало уже то, что привыкнуть к нехватке кислорода можно дня за три.

Тем временем Крячко, которому изрядно поднадоело зубрить всевозможные «кальентэ», «бастантэ», «пэкеню», без особых церемоний выдернул у Льва из рук путеводитель и сунул ему разговорник. Понимающе рассмеявшись, тот спросил по-испански:

– Кэ таль? (как дела?)

Не моргнув глазом, Стас «с понтами» уведомил:

– Муй бьен! (очень хорошо!)

– Ну-у! Ты, я вижу, делаешь успехи, – удовлетворенно резюмировал Гуров.

– Знай наших! Не лаптем текилу хлебаем... – ухмыльнулся Крячко, раскрывая путеводитель.

Теперь уже он постигал историю и географию, законы и этику земли древних ацтеков. Данные о климате Крячко порадовали. Зимой – не ниже плюс десяти, летом – где-то между двадцатью и тридцатью. Кроме того, в октябре заканчивался начавшийся еще в июне сезон дождей. Это Стаса порадовало еще больше.

– Слышь, Лев, – он тронул приятеля за плечо, – Я себе купил костюмчик летний – рубашка, шорты... Надеюсь, у них там не замерзну?

– В смысле температуры – подойдет, – одобрительно сказал Гуров. – А вот в смысле фасончика... Боюсь, деньги ты потратил зря. Мексика – страна католическая, нравы не слишком вольные, так что – выводы делай сам.

Недовольно поморщившись, Крячко с удрученным видом вздохнул и молча отмахнулся, вновь уйдя в чтение. Тем временем летевший навстречу ночи самолет очень скоро оказался в сплошной темноте.

– Ты глянь, как быстро темень настала... – кисло сказал Стас. – Никак не привыкну к этим фокусам-мокусам с вращением Земли и направлением, куда летит самолет – на восток или запад. И во сколько мы прибудем в Мехико?

– Ой, не скоро! – перевернув страницу разговорника, Лев задумчиво потер лоб. – Через двадцать два часа после вылета. Всего нам болтаться в воздухе часов четырнадцать. Плюс к этому – ориентировочно еще часов шесть придется просидеть в аэропорту Парижа. Будем там ждать «стыковочный» рейс.

– Твою дивизию!!! – Крячко хлопнул ладонями по коленкам. – Еще и в Париже сидеть?! Теперь я понимаю, почему так говорят: увидеть Париж и умереть. Согласен! От скуки и тоски уже сейчас готов «кони двинуть». А за эти шесть часов, блин, и сам там заквакаешь!

– Терпи, казак, – атаманом будешь. Первого мексиканского казачьего войска, – смеясь, резюмировал Гуров. – Чем переживать да охать, ты лучше поднажми на испанский. А иначе как будешь с мексиканочками о любви говорить? А ведь ты, зараза, заранее знаю – к какой-нибудь юбке да прицепишься!

С обреченным видом Стас произвел обратный обмен книгами и, вздохнув, опять про себя начал зубрежку слов и выражений: «Сколько времени? Ке ора эс... Где находится? Дондэста... Черт! И нет даже намека на то, как спросить: «Что вы делаете сегодня вечером?» Тоже мне, разговорник называется!..»

Глава 2

В аэропорту имени Шарля де Голля самолет совершил посадку уже поздним вечером, точнее говоря, ранней ночью. Пристроившись к транзитникам, приятели прошли по аэропортовским лабиринтам в сторону терминала ожидания. Когда они миновали освещенный прожекторами терминал на запасной, парковочной полосе заметили авиалайнер со знакомыми очертаниями, Гуров, кивнув в сторону самолета, негромко сказал:

– А вот и наш «землячок» – общеизвестный «Сухой-Суперджет-сто»... Вот только чья эмблема, никак не пойму – то ли индонезийская, то ли малайская? Видишь, как получается? Делаем лучший на сегодня среднемагистральный самолет, а у себя летаем на западном хламе, собранном со всего мира, даже из экваториальной Африки.

– Хм-м-м... – Станислав с интересом окинул взглядом крылатую машину. – А почему так? Слишком дорогой, что ль?

– Не думаю... – входя в вестибюль стеклянно-бетонного здания, Лев оглянулся на самолет. – Тут, скорее всего, две причины. С одной стороны – «откаты», а с другой – заурядное быдличество перевозчиков...

Они расположились в зале ожидания на обтянутом виниловой кожей мягком диване напротив электронного информационного табло. В углу зала работал большой телевизор, на экране которого разворачивалось действие какого-то французского боевика. Поскольку фильм был на французском, оперов он не слишком впечатлил. Да и кого сегодня удивишь тупой беготней и драками, не менее тупой стрельбой и еще более тупой моралью: прав тот, кто первым успел нажать на спусковой крючок?!

Приятели то дремали, то поочередно штудировали разговорник и путеводитель. Внимая гулкому голосу диктора, объявляющего прибытие и отправку тех или иных авиарейсов, с трудом сдерживая зевоту – в Москве в это время была глухая ночь, они ждали, когда же, наконец, снова пойдут на посадку и отправятся в путь.

Наконец, когда время приблизилось к утру и по-французски и по-английски было объявлено о посадке на самолет, отправляющийся в Мехико, сонные пассажиры потянулись к аэродромному автобусу. Потом ручеек людей втянулся в чрево широкофюзеляжного «американца», и они вновь поднялись в небо.

...В аэропорту имени Бенито Хуареса – мексиканского президента времен середины девятнадцатого века – самолет приземлился в половине шестого утра по местному времени.

Выйдя из самолета и вдохнув здешний высокогорный воздух, Стас с некоторым недоумением отметил:

– О, а тут и в самом деле дышится тяжело. Прямо всеми легкими ощущаешь, что кислорода тут маловато. И какой только дурак основал этот город?

Вместе со своими попутчиками они вошли в аэродромный автобус, и он неспешно покати к зданию аэропорта.

– Почему это – дурак? – не согласился Гуров. – Во-первых, местные, будь уверен, никакого дискомфорта не ощущают. А с другой стороны, во времена ацтеков этот город был по-настоящему неприступен – любой завоеватель терял много сил, поднимаясь к нему с равнины. Зато местные воины в такой атмосфере могли сражаться часами. Хотя, согласен, есть неудобства и для коренных жителей, которые никаким привыканием не преодолеть.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересовался Крячко.

– Физику в школе учил? – спросил Лев, глядя через окно автобуса на ряды самолетов. – Смекай! Здесь высоко, давление пониженное, и если варить обед, то только в скороварке с герметичной крышкой. В обычной кастрюле вода закипит менее чем при ста градусах. Вместо часа мясо придется варить полдня...

Пройдя иммиграционный и таможенный контроль, опера вышли в шумный, многолюдный центральный зал первого терминала. Здесь сразу же бросились в глаза несколько человек с табличками в руках, где были написаны имена тех, кого они встречали.

Среди обилия латинских шрифтов как-то неожиданно и экзотично смотрелся плакатик, на котором на кириллице было написано просто и без затей: «Лев Гуров. Станислав Крячко». Его держал в руках молодой мужчина в светлом летнем костюме, чем-то похожий на Бекаса из старого фильма «Ошибка резидента». Он напряженно всматривался в поток пассажиров.

Увидев оперов, встречающий радостно улыбнулся и приветственно помахал им рукой. Подойдя к нему и поздоровавшись, приятели поинтересовались – уж не фотографии ли их обоих из Москвы были присланы в посольство? Ну, а как еще объяснить тот факт, что он их опознал, едва заметив? Встречающий, который представился как помощник начальника службы безопасности посольства Даниил Смирнов, в ответ лишь пожал плечами.

– Да нет, никаких фотографий никто не присылал, – изобразив приглашающий жест рукой и направляясь к выходу из зала, признался он. – К тому же, они тут ни к чему. Вы только вошли, я сразу же понял, кто вы.

– А! Наверное, по одежде видно, что мы из России? – попытался догадаться Станислав.

– Ну, лишь в какой-то мере... – отчасти согласился Даниил. – Но, знаете, когда несколько лет проживешь за границей, своих сразу начинаешь замечать даже в самой многолюдной толпе. Тут, конечно, и сам славянский этнотип в глаза бросается, и походка, и жестикуляция, и манера говорить, и даже взгляд совсем не такой, как, скажем, у немца или англичанина. Кстати, вон идет мужчина. Кто он, по-вашему?

Шагавший вдоль стеклянной стены здания, которую уже начали пронизывать первые лучи восходящего солнца, Смирнов незаметно указал на долговязого гражданина с многозначительным, преисполненным собственной значимости взглядом. Краем глаза схватив ту сторону зала, где вышагивал «фитиль», Гуров уверенно определил:

– Американец.

– Не, ну то, что это не китаец – я тоже вижу, – засомневался Станислав. – Но вот насчет американца ты явно промахнулся. Скорее всего, немец.

– Вы правы оба, – рассмеявшись, Даниил разрешил этот стихийно завязавшийся спор. – Это немец, родившийся и выросший в США.

– Это серьезно? – вопросительно взглянул на собеседника Крячко.

– Отчасти... – Смирнов хитро подмигнул и уже серьезно добавил: – Если серьезно, то это англичанин.

Они вышли из здания и, спустившись к парковке в окружении пышной зелени, сели в белый «Шевроле». Даниил, запустив двигатель и включив передачу, вырулил на дорогу, ведущую к широкой трассе, заполненной автотранспортом. Наблюдая за тем, как он уверенно маневрирует в потоке авто, Лев поинтересовался, насколько хорошо Даниил знает этот город.

– Ну, как сказать? – тот со скромным видом улыбнулся. – Основные городские магистрали знаю, от аэропорта до посольства ездил уже не раз. Ну а так-то, если разобраться, Мехико по-настоящему не знают даже старые таксисты. Это же мегаполис! Он с пригородами занимает плоскогорье в длину и ширину на десятки километров! Тут тысячи улиц, если брать с окраинами, где живет нищета.

Как далее рассказал Смирнов, в Мехико – самый высокий жизненный уровень жизни по стране. Провинция, разумеется, в основном бедняцкая. Именно оттуда в США идет основной поток иммигрантов. Правда, последние годы Мексика экономически приподнялась, и местные уже не так стали прорываться через границу со Штатами. Найти приличную работу появилась возможность и здесь.

Коренные мексиканцы, представляющие собой метисов древних индейцев и испанских переселенцев, в стране составляют подавляющее большинство. Но вот высший имуществен-

ный и средний классы – это в основном белые, испанцы и англосаксы. Чисто индейцев осталось очень мало. Много приезжих. Есть немало уроженцев других латиноамериканских стран, есть американцы, канадцы, есть европейские диаспоры, хотя и не слишком многочисленные. Немало здесь и – куда уж от них денешься?! – китайцев. Русских, прибывших сюда на ПМЖ за последние десятилетия, не так уж и много. Что-то около тысячи с лишним человек. Тем не менее православие в Мексике распространено.

– ...Самый крупный приход – в Непантле, это неподалеку от Мехико, – лихо выписывая виражи и умело минуя повороты, на ходу повествовал Даниил. По его словам, в самом Мехико есть православный монастырь. Правда, точно он не знал – мужской или женский. Один из сотрудников посольства (он человек верующий и частенько ездит в церковь) как-то говорил, что в Мексике православных – русских, украинцев, греков, армян и так далее, включая местных метисов, европейцев, американцев, что-то около сотни тысяч человек.

– Ну а в целом тут есть на что посмотреть? Скажем, архитектура, достопримечательности? – слушая его, поинтересовался Гуров.

– Полно! – Смирнов изобразил широкий жест рукой. – Тут и в самом городе уйма всяких памятников, музеев, отличные парки. А за городом есть очень интересные древние сооружения... Тут один только Теотиуакан – город богов чего стоит!.. Выдастся время – поездим, посмотрим...

Сгоравший от любопытства Стас откашлялся и поспешил задать свой вопрос:

– А вот, Даниил, нам перед отъездом один всезнайка рассказывал про некий секс-парад, который якобы проходит ночами в Мехико, и обязательно в полнолуние. Это правда?

Смирнов в ответ пожал плечами и отрицательно помотал головой.

– Впервые слышу! – ответил он. – По-моему, этот всезнайка путает Мексику, где довольно строгие католические нравы, с Германией и Венгрией. Вот уж там – да, такие парады не редкость. Я как-то случайно оказался поблизости от такого мероприятия, и, должен сказать, зрелище не для слабонервных...

– Ну, Черепковский! – Крячко язвительно рассмеялся. – Ну, трепло! Вернемся – вставлю ему фитиля!..

– Вот на здешний, мексиканский карнавал посмотреть стоило бы! – Даниил продолжил затронутую тему. – Но он проводится в конце февраля, перед католическим постом. Самый крупный проходит в городе Мацатлане. Там народищу собирается до полумиллиона. Я там уже раза два был. Впечатляет! Да тут насчет таких мероприятий вообще не бедно. В марте пройдет карнавал в Кампече.

Смирнов на очередном светофоре свернул вправо, и «Шевроле» вновь помчался в нескончаемой чередой машин.

– Недавно читал в Интернете, – снова заговорил Гуров, – что здесь очень часты криминальные войны. На бытовом уровне это как-то ощущается?

Смирнов в ответ как-то неопределенно пожал плечами. По его словам, на бытовом уровне чаще всего ощущается заурядное мелкое мошенничество, проделки карманников, орудующих, например, в здешнем метро, и тому подобное. Но бывают и серьезные криминальные стычки. В Мексике существует несколько крупных ОПГ, которые занимаются рэкетом, грабежами, наркоторговлей. Одна из старейших – чисто мексиканская группировка «Ла Эме». Она построена по принципу коза ностры и поддерживает союзнические отношения с нацистской криминальной группировкой «Арийское братство». Обе эти группировки враждуют с негритянской мафиозной группировкой «Черная партизанская семья» и смешанной американо-мексиканской группировкой «Нуэстра Фамилия». Но самая мощная и безжалостная группировка мексиканского криминала представлена наркокартелем «Лос-Сетас». По итогам последних лет она стала лидером криминального мира Мексики. Власти ведут с наркомафией настоящую войну, используя армейские подразделения, в частности морскую пехоту.

– Идет война народная, священная война... – Гуров задумчиво процитировал слова из знаменитой песни. – А внешне глянешь – все как будто спокойно. Тишь да гладь, да божья благодать...

Он указал взглядом на высящиеся громады ультрасовременных зданий, на потоки автомобилей, сверкающих полировкой, на многочисленных прохожих, спешащих по своим делам.

– Ага! В Багдаде все спокойно! – хохотнул Крячко.

Выполнив еще один поворот, теперь уже налево, Даниил отметил, как бы про себя:

– Скоро приедем. Эх, как же его угораздило-то?! – присвистнул он, кивнув в сторону «Тойоты», влипшейся в тумбу фонарного столба. – Не иначе, текилы перебрал.

Машина подрулила к узорчатым кованым воротам, от которых в обе стороны тянулись высокие решетки ограждения. Рядом с воротами на изгороди была укреплена вывеска, которая на двух языках – русском и испанском – извещала о том, что здесь располагается посольство Российской Федерации. На его территории с улицы виднелось несколько зданий разной этажности. Над центральным, двухэтажным корпусом развевался российский триколор. Располагавшееся позади него пятиэтажное здание, скорее всего, было жилым корпусом. Еще два небольших здания предположительно могли быть детсадом-школой и медицинской частью. На задворках просматривались гаражи и иные технические постройки.

Из небольшой дежурки к воротам подошли два дюжих охранника, которые пропустили машину на территорию посольства, и «Шевроле», выписав вираж между пышно цветущими клумбами, остановился у единственного подъезда пятиэтажки.

– Прибыли! – жизнерадостно улыбнувшись, объявил Смирнов. – Сейчас комендант вас разместит в гостевой комнате, позавтракаете, отдохнете и встретитесь с Леонидом Константиновичем, нашим послом. Ну что, идем?

Опера забрали из багажника свои дорожные сумки и последовали за Даниилом. Они вошли в благоустроенный холл первого этажа жилого корпуса, по периметру которого было несколько дверей и лестница, ведущая на второй этаж. Подошли к двери с табличкой «Комендант Еринцов В.В.», и на стук Даниила из кабинета вышел плотный мужчина с «буденновскими» усищами, судя по выправке, бывший военный.

– Доброе утро! Виталий Валентинович! – представился он.

Вместе с ним опера поднялись на второй этаж. Комендант достал из кармана ключ и открыл дверь с номером «пять». Пройдя в просторную, освещенную утренним солнцем комнату, Еринцов огляделся по сторонам и, широко разведя руками, объявил:

– Вот, пожалуйста, ваши апартаменты! Столы, стулья, диван, телевизор, холодильник... Это вот ваши спальные места, – он указал на две аккуратно застеленные деревянные односпалки по обеим сторонам комнаты. – Что тут еще? Туалет, ванная с душем... Есть даже посуда и чайник с кофейником на тот случай, если вечером захочется выпить чайку. Вот вам каждому по ключу. Если возникнут какие-то вопросы – вот на столе телефон внутренней связи. Там же и справочник. Мой номер три-десять. Ну а сейчас – в столовую.

Спускаясь по лестнице, комендант пояснил, что пищеблок предназначен для бессемейных и временно прикомандированных. Большинство сотрудников посольства или сами готовят дома, или берут на дом готовые продукты.

– Вы к нам примерно на какое время? – поинтересовался он. – За сколько дней предполагаете выполнить свою работу?

– Максимум за неделю, – ответил Гуров. – В принципе, у нас уже обратные билеты на самолет имеются, и через десять дней мы в любом случае должны отправиться домой.

– Так что мы вам тут еще надоедим! – рассмеялся Станислав.

– Не-е-т, не надоедите!.. – Еринцов усмехнулся в свои могучие усы. – Люди с последними новостями из России тут всегда и востребованы, и интересны. Оно ведь как? На тутошнюю

жизнь жаловаться грешно – все идет размеренно и спокойно, как на пассажирском корабле. Новости, конечно, получаем. Но... Живой человек – всегда лучше, чем газета или телевизор.

– А что, тут у вас вообще ничего из ряда вон выходящего не происходит? Каких-нибудь митингов, демонстраций?.. – Крячко с интересом покосился в сторону коменданта.

– Ты еще скажи – ни войн, ни катаклизмов... – Лев насмешливо продолжил этот перечень.

– Что-то и не припомню... – задумался Еринцов. – А! В прошлом году, по-моему, человек тридцать студентиков, и то сплошь американцев, приходили бузить насчет тех девиц, что в церкви плясать надумали. Как их, не помню? Постирайки какие-то там...

– Пусси райт, – кивнув, уточнил Гуров.

– Во-во, они самые и есть! – комендант вскинул указательный палец. – Ну, минут десять всего и попрыгали эти клоуны, потом приехала местная полиция и шугнула их отсюда. И все. Больше пока что никто не появляется. Вот около американского посольства – там чаще митингуют. И собираются именно местные. Этим летом, когда американцы собирались бомбить Сирию, народу там было много. О-о-о! Ор стоял не слабый. Думаю, медом американцам жизнь не показалась...

Они вошли в просторный обеденный зал столовой. За несколькими столами сидели сотрудники посольства обоего пола самых разных возрастов. При появлении Еринцова и сопровождаемых им гостей все взоры тут же обратились в их сторону. Лев и Станислав дипломатично раскланялись с присутствующими.

– Как там Москва? – ответив на приветствие, с затаенной грустью спросил сидевший неподалеку мужчина лет сорока в очках и темном, строгом костюме.

– Как и обычно... – Гуров чуть развел руками. – Строится, ширится... Кто-то работает, а кто-то ворует. Ну, мы таких ловим – каждый занимается своим делом, – рассмеялся он.

– Да уж, наслышаны о вас... – покончив с завтраком, мужчина поднялся из-за стола. – Народ уже заинтригован – что же выявят столичные светила сыска?!

– Ну, вы нас, скажу так, переоцениваете, – тоном скромного человека ответил Крячко. – Мы работаем в меру своих сил и возможностей. И, понятное дело, надеемся на вашу помощь и поддержку. Это для нас самое главное.

– Вы уже сегодня приступаете? – чему-то улыбнувшись, спросила весьма привлекательная особа лет тридцати, которая в качестве завтрака употребила некий микросалатик и теперь запивала его фруктовым соком.

– Разумеется! – одарив даму обаятельнейшей из своих улыбок, ответил Станислав.

Когда они со Львом подошли к стойке раздачи, Гуров, обернувшись в его сторону, вполголоса строго отчеканил:

– Без фокусов! Ты меня понял! – добавил он, заметив намерение приятеля возразить.

– Угу... – односложно ответил тот, как бы соглашаясь со Львом, а сам неприметно для Гурова глянул в сторону заинтересовавшей его дамы.

Тем временем комендант представил заведующей пищеблоком новоприбывших клиентов их подразделения и порекомендовал «кормить мужиков на совесть, чтобы домой вернулись как с курорта, а не из голодного края». «Начпродша», назвавшаяся Тоней, заверила Еринцова, что кормить будет «как на убой». А потому голодная смерть гостям никак не грозит.

Нагрузив подносы аппетитной снедью, приятели заняли столик в углу и приступили к трапезе.

После завтрака опера вернулись к себе в номер. Надев взамен дорожной одежды костюмы полуофициального фасона, они направились к служебному зданию посольства. Показав на вахте свои документы охраннику, приятели поднялись на второй этаж. Пройдя через приемную, вошли в кабинет посла.

Турманов – массивный мужчина среднего роста, одетый в хорошо сидящий на нем костюм, больше напоминал не дипломата, а капитана дальнего плавания. Выйдя из-за стола навстречу визитерам, он поприветствовал их, после чего за чашкой кофе они обсудили предстоящее расследование.

– ...Я бы покривил душой, если бы сказал, что Горбылин был отличным или даже хорошим работником, – голос посла звучал минорно и чуть приглушенно. – Типичный середнячок, без намека на стремление перетрудиться, без полета мысли и жажды лечь костями за интересы Отечества. Он работал строго от сих до сих, не являя ни инициативы, ни фантазии, ни полета мысли. И тем не менее... Он был нашим сотрудником, представлял интересы России, и его смерть не может не вызвать вопросов. И самый главный – стало ли это следствием каких-либо процессов естественного порядка или кем-то инспирировано? Я отвечаю за всех, кто здесь живет и работает, и поэтому чрезвычайно заинтересован в раскрытии этого ЧП.

Опера полностью согласилась с его мнением и пообещала сделать все возможное для того, чтобы вокруг смерти и.о. военного атташе не осталось ни одного неясного момента. Они попросили его рассказать о круге проблем, решавшихся Горбылиным, его основных контактах и взаимоотношениях с коллективом посольства.

Турманов поручил секретарше принести еще по чашке кофе и пояснил, что круг задач атташе был стандартным и за рамки расписанных обязанностей никак не выходил. В принципе, особо отметил он, в современной дипломатической практике с юридической точки зрения круг вопросов, находящихся в ведении военных атташе, их права и обязанности проработаны слабо. Поэтому российские дипломаты, работающие от Минобороны, руководствуются его внутренними документами, а также распоряжениями специального управления министерства по международным связям. В общем и целом военный атташе обязан своевременно изучать и анализировать военно-политическую обстановку в стране пребывания, консультировать сотрудников посольства по военным вопросам и при необходимости давать советы по тем или иным дипломатическим акциям – при составлении нот, меморандумов, сообщений для брифингов. Фактически атташе должен быть одновременно и военным аналитиком, и дипломатом в одном лице. Был ли таким Горбылин? Безусловно, нет. Как военный специалист он был откровенно слаб, не знал ряда элементарных вещей. Как аналитик вообще никуда.

– ...Думаю, когда он окончил военный университет, армия сама поспешила освободиться от такого горе-офицера. Но у него – и в этом у меня нет никаких сомнений – есть родственники в верхних эшелонах власти, которые и пристроили бездаря на дипломатическую службу. Уму непостижимо, сколько вреда стране наносят такие вот «позвоночные специалисты»... – с досадой констатировал Турманов. – Мы ждем не дождемся возвращения нашего Романа Александровича, настоящего военного специалиста высшей квалификации. Уж этот – и в самом деле офицер в полном смысле этого слова. Его и мексиканцы очень уважают. Он в совершенстве знает испанский и английский, он на лету ловит любую информацию и столь глубоко ее анализирует, что наши сообщения в МИД и в Минобороны всегда точны и абсолютно адекватны реальному положению дел. Побольше бы таких людей в нашей службе!

В своей повседневной, практической деятельности, рассказал собеседник оперов, атташе должен быть в постоянном тесном контакте с местным военным ведомством и укреплять его связи с российским Минобороны. Он должен постоянно присутствовать на их парадах, учениях и маневрах, участвовать в показательных инспекционных поездках по военным объектам, изучать состояние их технического оснащения и своевременно подсказывать Рособоронэкспорту, что можно было бы предложить местному военному ведомству.

– ...Роман Александрович в этом плане – настоящий ас. – Турманов энергично потрянул поднятым кулаком. – Достаточно привести такой пример. Как-то в частном разговоре с представителем здешнего генштаба он услышал, что у одной из стран южнее Мексики появилось намерение укомплектовать свои ВВС эскадрильей вертолетов. И вроде бы они собираются

купить американский «Апач». Он тут же дает в Москву депешу, наши ведомства начинают активно работать в этом направлении, и вот итог: куплена партия наших «Ночных охотников», сделка выражается в десятках миллионов долларов. Вот это я понимаю – класс и уровень работы!..

Приведя несколько подобных примеров, в заключение посол добавил:

– Я даже не представляю, за какие такие заслуги Горбылин к тридцати годам дослужился до подполковника? Да что там гадать?! Это все – сердюковские кадры, заработавшие погоны на «откатах» и паркетных реверансах. Кстати, атташе в такой стране, как Мексика, рангом должен быть не ниже полковника. Но тем не менее к нам прислали Горбылина, хотя я просил за неимением достойной кандидатуры временно назначить и.о. атташе майора Лукина, нашего военно-воздушного атташе. Офицер, надо сказать, очень перспективный. Он сейчас с сотрудниками мексиканского генштаба в поездке по их частям ВВС. Наш военно-морской атташе, майор Кречинин, в отпуску. Ну а с капитаном Зеленьякиным, вспомогательным сотрудником, сейчас познакомитесь сами – он у себя, в атташате.

На прощание опера обговорили с Турмановым график работы дипсотрудников и технического персонала посольства. Они наметили круг людей, с кем им стоило бы поговорить в первую очередь, причем в наиболее удобное для тех время, чтобы не создать осложнений в работе посольства. Выйдя из кабинета посла, Гуров отправился в атташат, расположенный в самом конце коридора. Стас первым делом решил побеспокоить местную медицину в лице главной докторши посольства.

Войдя в приемную атташата, Лев увидел молодого мужчину в гражданском костюме. Он набирал какой-то текст на компьютере. Увидев представительного незнакомца, тот обернулся в его сторону и вежливо поинтересовался:

– Простите, вы по какому вопросу?

– Я из уголовного розыска, полковник Гуров, – поздоровавшись, уведомил Лев и показал удостоверение.

– А! Лев Иванович? Наслышан! Прошу! – обитатель кабинета приподнялся со своего места и указал Гурову на свободное кресло. – Капитан Зеленьякин, можно просто – Николай. Вы, я так понимаю, по поводу кончины подполковника Горбылина?

– Да, мне нужна объективная, подробная информация об этом человеке, его знакомства, в том числе и за пределами посольства. Пристрастия, увлечения и так далее... – опустившись в кресло, Лев испытующе взглянул на своего собеседника.

– Что я могу сказать о нем в общих чертах? – Николай потер лоб и оперся локтями о стол. – Как военный специалист он был стопроцентный дилетант, хотя и в звании подполковника. Как человек... Ну, о мертвых плохо говорить не принято, поэтому сказать особо-то и нечего. Но если говорить обтекаемо, то подполковник Горбылин был очень даже, как это говорят, себе на уме. Да, у него хватало знакомств по городу, но, думаю, не связанных с его основной деятельностью. Что это за люди – мне неизвестно. Но я точно знаю, что у него была любовница – продавщица одного из здешних супермаркетов. Мне об этом как-то рассказал Володя... То есть майор Кречинин. Но он уже две недели как в отпуску – полетел домой навестить родителей. Что еще? Горбылина как-то раз видели в компании какого-то типа, скорее всего, американца.

– А кто видел, вы не в курсе? – прищурился Гуров, внезапно ощутив, что эта информация может дать зацепку.

– Сейчас припомню... Сейчас... – капитан провел по лицу руками, напряженно морща лоб. – Так! Если память не изменяет, то рассказал мой тезка, охранник Николай Мельниченко. Давайте-ка позвоню ему, и если он свободен, то прямо сейчас и подойдет.

Вошедший в кабинет охранник – крупный, плотный, с коротким ежиком рыжеватых волос, подтвердил, что он и в самом деле видел подполковника Горбылина в компании с неким

«гринго». Случилось так, что в свой выходной Николай Мельниченко повез сыновей в знаменитый парк Чапультепек.

– Там много детских аттракционов, там памятники всякие, антропологический и еще какие-то музеи, – грубоватым баском повествовал охранник. – Мы там часа четыре мотались. Здорово там, конечно... Ну, думаю, надо бы и самому подкрепиться, и хлопцев моих покормить. Зашли в харчевню одну, типа кафе, чтобы перекусить, заказал по порции тако, мороженого, сока... Ну, чтобы слишком долго не рассиживаться. У нас планов было много. Сидим, едим... Глянул я на дверь, а в нее входит Павлин... Э-э-э... Подполковник Горбылин, и с ним какой-то тип европейской наружности. Я как глянул, сразу понял – америкос. Вот, не знаю почему – просто в голове будто щелкнуло: америкос.

– Павлин – это прозвище Горбылина? – усмехнувшись, уточнил Гуров.

– Ну, да-а-а... – сконфузившись, протянул Мельниченко. – Он все время из себя не знает чего ставил. Вот его наши ребята так и прозвали.

– А он вас там заметил?

– Сразу-то нет. Им по коктейлю принесли, и они чего-то там по-английски меж собой вполголоса чиркали. Словно обсуждали какие-то там темные дела. Да он вообще стопудовый торгаш по своей натуре. Чего он в военные подался? Ему только в торговле и было место. Весь такой скользкий, оборотистый, кругом – шасть-шасть. Все что-то где-то выгадывает... Вот! Минут десять они эдак вот сидели, и тут он – глядь в мою сторону! А я сделал вид, что его не узнаю и не замечаю. А краем глаза незаметно в его сторону секу – что дальше-то делать будет? Вижу, он тишком америкосу что-то типа «гоу, гоу», тот сразу скис и скукожился. Поднялись они из-за стола, и – ходу!

– Описать этого американца вы могли бы? – спросил Гуров, внутренне жалея о том, что в здешних условиях фоторобот никак не составить.

– Ну, вопросов нет! – в знак согласия охранник кивнул. – Знаете, он очень похож на Джорджа Буша-младшего – прямо как его брат родной. Только сам по себе покрупнее и ростом повыше.

Поблагодарив своих собеседников и попросив Зеленькина сделать копию личного дела Горбылина, Лев направился в другой конец коридора, где были кабинеты советников. Конкретно ему был нужен третий секретарь посольства, с которым, по словам Турманова, у Горбылина вроде бы были приятельские отношения.

Глава 3

Третий секретарь, назвавшийся Буряком Константином Петровичем, оказался худощавым, подвижным и не по-дипломатически эмоциональным человеком ниже среднего роста и с фигурой подростка.

Узнав о причинах визита представителя угрозыска, Буряк предложил гостю сесть в кресло, тогда как сам вышел из-за стола и стал ходить по кабинету взад-вперед. Затем, остановившись, изрек:

– Да, все мы пленники своей судьбы, даже самые успешные...

– Я так понимаю, ваше упоминание о «самых успешных» следует отнести на счет господина Горбылина? – с некоторым недоумением поинтересовался Лев, и добавил: – Но уход из жизни в далеко не преклонные годы я бы не назвал признаком успешности.

Снисходительно улыбнувшись, Буряк категоричным тоном ответил:

– Иная жизнь, длящаяся даже до сотни лет, но тусклая и невыразительная, куда менее успешна, нежели пусть и короткая, но яркая и ослепительная, как след метеора. Пушкин, Лермонтов, Байрон... В календарном плане они жили мало, но в плане памяти исторической они, по сути, бессмертны!

Это звучало настолько пафосно, что Гуров чуть не улыбнулся. Лев уже понял, что Константин – типичный «комплексант», страшно переживающий из-за своего роста. По всей видимости, в Горбылине он видел себя самого, каким бы он мечтал выглядеть. Несомненно, Буряк ему завидовал, им восхищался и в какой-то степени даже боготворил. Хотя, не исключено, в глубине души одновременно и ненавидел. Обычное свойство всех тех, кто имеет психологические «язвы» неудовлетворенности самим собой и окружающим миром.

– Хм-м... – Лев пожал плечами. – Может быть, вы и правы, но я могу назвать немало людей, которые жили и ярко, и долго. Примеры? Ломоносов, Менделеев, Леонардо да Винчи... А сколько великих актеров, музыкантов, поэтов жили долго и счастливо?

Судя по реакции Буряка, суждение его гостя, можно сказать, нокаутировало тезис в величии «короткой, но яркой» жизни. Он с озадаченной миной снова заходил по кабинету, а Гуров как бы невзначай поинтересовался:

– На ваш взгляд, Горбылин был своего рода эталоном мужчины?

Удивленно взглянув на гостя, Константин остановился и задумался.

– В известной степени – да, – с некоторым даже вызовом подтвердил он. – А вы считаете иначе? Хотя... Разумеется, при ваших физических характеристиках вы на это имеете право. Я не берусь спорить на эту тему, но-о... Лично для себя – считаю именно так.

– Вообще-то, как я понял, большинство работников посольства так не думают. – Лев чуть поморщился и, не соглашаясь, качнул головой. – И не вполне уважительное прозвище у Горбылина появилось не случайно. Вы были хорошими друзьями?

Буряк уж собирался сказать «да», но отчего-то вдруг передумал.

– Скорее, мы были хорошими товарищами, – пояснил Константин. – Он был очень интересным собеседником, много ездил, много знал... Очень легко сходился с людьми.

Гуров, чему-то улыбнувшись, положил ногу на ногу и, покачивая носком туфли, негромко спросил:

– Вы не обидитесь, если я откровенно выскажу одно личное суждение? Вот слушаю вас, и мне почему-то подумалось, что в жизни вам не очень везло на друзей. Возьмем этого же Горбылина. Если вы его и считали своим, пусть даже и хорошим товарищем, то был ли он таковым на самом деле? Кстати, у вас есть его фото?

– Да, есть... – несколько растерявшийся советник кивнул и, подойдя к столу, достал из какого-то журнала цветное фото.

Взяв снимок, Лев увидел на нем своего собеседника, стоящего рядом с эдаким гибридом Жерара Филиппа с Марчелло Мастоаянни на фоне какого-то архитектурного великолепия. За их спиной простиралась площадь со статуями и красивыми зданиями на заднем плане. Взглянув на лица мужчин, запечатленных на снимке, Гуров безошибочно определил их настроения. Буряк выражал кислотовато-конфузливую внутреннюю зажатость и напряженность. Горбылин же, можно сказать, упивался своим великолепием.

– А где вы фотографировались? – положив снимок на стол, поинтересовался он.

– На площади Сокало, главной площади Мехико. Она считается самой красивой в городе. Это, можно сказать, здешний аналог нашей Красной площади. Видите ли, сам Мехико возведен на месте столицы ацтеков Теночтитлана, разрушенного Кортесом, а на месте площади когда-то были руины главного храма индейцев. Теперь там другой храм – Успения Пресвятой Богородицы, старейший и крупнейший в Латинской Америке. Там же находится Национальный Дворец, штаб-квартира мексиканского правительства. И там же, рядом с площадью, Дворец Изящных Искусств...

Повествуя о достопримечательностях Мехико, Буряк словно преобразился. О городе он рассказывал почти с упоением, воодушевленно жестикулируя руками.

– Этот Дворец Искусств – что-то наподобие музея? – спросил Лев, с интересом слушая своего собеседника.

– Отчасти, – впервые за все время разговора советник улыбнулся. – Это и художественный музей, и место проведения самых разных зрелищных мероприятий и всевозможных форумов... Я там бывал, советую и вам побывать обязательно. Поверьте – это незабываемо!

– Но вам, я вижу, тоже не чуждо художественное творчество? – Гуров указал взглядом на выглядывающий из-под вороха бумаг лист принтерной бумаги с карандашным наброском.

– А, это... – смущенный Буряк, поморщившись, отмахнулся. – Да... Так, от нечего делать. Какое тут художественное творчество? Чепуха всякая...

– Можно взглянуть? – попросил Лев и, взяв рисунок, на котором карандашом весьма талантливо был изображен какой-то католический храм, удивленно отметил: – Ну, какая же это чепуха? Отличная графика! В вас пропадает одаренный художник.

Судя по всему, такая оценка для советника была полной неожиданностью.

– Вы это серьезно? – осторожно спросил он.

– Да уж куда серьезнее! – рассмеялся Гуров. – Мне такого никогда не нарисовать. Вы этот рисунок сделали по памяти? Отличная работа. Как я могу догадаться, это храм на площади Сокало?

– Да... – кивнул тот, как бы и веря, и не веря услышанному. – Честно говоря, такую оценку слышу впервые.

– Вот как? – пожав плечами, Лев еще раз взглянул на рисунок. – А Горбылину вы свои работы не показывали?

В ответ Буряк лишь горько усмехнулся. Шумно вздохнув, он признался:

– Пока-а-а-звал... Он посмотрел и сказал: «Костя, не позорься!»

– Он сказал именно так?! – Гуров хмыкнул, мысленно отметив, что подобное типично для завистливой бездарности. Впрочем, иного тут о Горбылине и не скажешь. – Кстати, хотел бы задать вопрос не по теме нашей встречи... Заранее прошу извинить, если он вдруг покажется неуместным. Скажите, Константин, я так понимаю, семьи у вас нет? И, скорее всего, тоже, по той же причине, что кто-то когда-то сказал вам нечто обидное и глупое? Верно?

Советник с унылым видом несколько мгновений молчал, после чего неохотно мотнул головой и, вздыхая и конфузясь, рассказал, что рост и отнюдь не голливудская внешность для него всю жизнь были меткой заведомого неудачника. А тут еще и фамилия досталась какая-то дурацкая – Буряк...

В школе Костя учился чуть ли не лучше всех в классе, но тем не менее всегда ощущал себя вечно вторым. Девчонки на него внимания не обращали. Да он и не пытался установить с кем-то из них отношения. Правда, в десятом Буряк однажды набрался храбрости и в день рождения своей одноклассницы Алены, которая ему очень нравилась, купил цветы и пришел к ней домой, чтобы поздравить и обратить на себя хоть какое-то внимание. То, что было потом, он всегда вспоминал с горечью и болью в душе. Именинница, выйдя на его звонок, даже и не подумав взять цветы, презрительно процедила:

– Чего приперся, огрызок?! Катись вон давай и больше тут не появляйся.

При этом от Алены пахло вином, а из-за приоткрытой двери доносился звон посуды и галдеж большой компании. Когда он, швырнув через плечо букет, начал спускаться вниз, из-за двери до него донесся взрыв хохота – как видно, там всю обуждался его визит.

Вернувшись домой, Костя уговорил мать отдать его документы в другую школу, хотя ехать туда предстояло около получаса на автобусе. Но в своем классе он больше не появился. Год спустя, случайно встретив двоих одноклассников, с которыми у него были приятельские отношения, Буряк узнал, что выходку Алены одноклассники осудили, и с ней долго никто не разговаривал. Однако это уже ничего не изменило.

Душевная рана, нанесенная жестокой эгоисткой, так и не зажила. После школы как серебряный медалист Константин без особых затруднений поступил в МГИМО. Там тоже он был одним из лучших. Причем, в отличие от школы, студенческая среда оказалась куда более дружелюбной. Чтобы внутренне не чувствовать себя не таким, как все, Буряк начал ходить на карате и здесь тоже добился немалых успехов. Но, к его огорчению, это ничуть не убавило уже вевшегося в душу подсознательного страха перед прекрасной половиной человечества.

Уже будучи на четвертом курсе, он случайно познакомился с одной второкурсницей, которая как будто проявила к нему интерес и симпатию. Пару раз оказавшись с Женей за одним столом в читальном зале, Костя снова набрался смелости и, купив билеты в театр, решил после занятий встретить ее у ворот института, чтобы пригласить на премьеру постановки. Но Женя, к его крайней досаде, появилась не одна. Рядом с ней шел высокий, плечистый парень, и Буряк поспешил отвернуться, опасаясь услышать что-то похожее на то, что однажды уже слышал. Он даже не усомнился в том, что, возможно, это даже не ухажер, а просто знакомый. Тем не менее, изорвав билеты в клочья, Костя дал себе зарок ни с кем больше не связываться.

Впрочем, как-то раз, перед самым выпускным, свой зарок он нарушил. Однокурсник пригласил его на день рождения. Там к Константину как-то сразу прибилась бойкая, рослая деваха, которая без конца приглашала его танцевать, а в конце вечера увезла к себе домой. Проснувшись утром с нею в постели и вспомнив события минувшей ночи, как всякий честный мужчина, он сказал джентльменски-извечное: «Выходи за меня замуж». К своему крайнему удивлению, в ответ Буряк услышал, что замуж ей выходить нет никакой нужды, поскольку она уже и так замужем. На его растерянные слова: «А почему же мы с тобой... Сегодня... Ну, в общем...» – она рассмеялась:

– Да, просто так! Для кайфа переспали, и все.

Шокированный подобными откровениями, Буряк сбежал от своей случайной пассии, даже не дождавшись обещанного ею утреннего кофе.

После окончания института его ждал еще один болезненный удар. Из-за роста и веса, несмотря на третий дан карате, его не взяли в армию, хотя Константин туда буквально рвался. Он надеялся, что служба в армии, даже больше, чем карате, даст ему возможность ощутить себя «настоящим бруталом». Не получилось. Отработав несколько лет в разных дипмиссиях, Буряк дорос до третьего секретаря. На эту же должность его перевели в прошлом году и в Мехико. Здесь его наконец-то заметили и оценили по-настоящему – Турманов уже не раз объявлял ему благодарности. В ближайшее время предполагалось его назначение вторым секретарем.

С Горбылиным Костя познакомился в столовой. Тот сел за его столик, они разговорились, и Буряк как уже в некотором смысле старожил, успевший хорошо изучить Мехико, пообещал своему новому знакомому показать мексиканскую столицу. Они и в самом деле каждый выходной ездили по городу и его окрестностям. Костя водил своего нового приятеля по паркам, музеям, всевозможным историческим местам. Они вместе поднимались на древние пирамиды, посещали озеро с искусственными плавающими островами, корриду и иные зрелищные мероприятия. У них и в самом деле сложились как бы дружеские, доверительные отношения, но в их «тандеме» Горбылин был ведущим, а Буряк – ведомым. Макс – о чем Константин не мог не догадаться – как дипломатический работник был полный ноль, да и как военный специалист особыми талантами не блистал. Но Горбылин всегда умел создать нужное впечатление и манипулировать окружающими. В том числе и простягой Буряком. Горбылин сумел внушить Косте свое безусловное превосходство абсолютно во всех отношениях. И в чисто житейском плане, и в профессиональном, и даже творческом. Буряк даже не усомнился в том, что суждение Макса о его художественных способностях совершенно предвзято и продиктовано элементарной завистью.

– У вас много рисунков? Вы мне их покажете? – Лев вопросительно взглянул на собеседника.

Все еще сомневаясь и конфузясь, Костя достал из ящика стола картонную папку с завязками и извлек из нее целую пачку рисунков. С интересом рассматривая зарисовки, Гуров видел на них здания, памятники, обычных прохожих, индейцев в национальных костюмах, пейзажные наброски, самые разные сюжетные композиции. Неожиданно Гуров увидел чем-то очень знакомое девичье лицо. Он наморщил лоб, припоминая, где же мог встретить прототип этого графического портрета. Мысленно увидев себя выходящим из кабинета посла, он тут же вспомнил, что с этой очень привлекательной особой он разминулся в приемной Турманова.

– Постойте, это – сотрудница вашего посольства? – Лев взглянул на смутившегося собеседника. – Стоп, стоп, стоп! Это не та самая второкурсница, которую вы когда-то собирались пригласить в театр?

Буряк молча кивнул. Немного помолчав, он рассказал, что даже не ожидал именно здесь, в Мексике, встретить Женю. К его досаде, их встреча оказалась более чем холодной. Они просто поздоровались и, как-то так, мельком вспомнив о том, что когда-то учились в одном вузе, тут же расстались. Как позже Костя узнал через третьи руки, Евгения еще во время учебы стала женой того своего ухажера, но вместе они были недолго. Всего три года спустя – сразу после окончания МГИМО – развелись. У Жени родилась дочь. Несколько лет она работала преподавателем в одном из московских вузов, растила ребенка. А потом чисто случайно узнала, что посольству в Мексике требуется хороший секретарь-референт. И сразу же устроилась на эту должность.

– Иногда ее вижу. – Буряк вздохнул. – Здороваемся... И – все! За ней пробовал ухаживать Макс, но с ходу получил от ворот поворот. Женя вообще с порога отметаёт всех ухажеров. Ну... Я уж и не рискую. Если Макс оказался «в офсайде», то я и подавно буду там. Такая вот грустная история.

Окинув его ироничным взглядом, Гуров сокрушенно покачал головой.

– Да, действительно, история – грустнее не придумаешь. И прежде всего потому, что кое-кто из здесь присутствующих из-за своей, говоря по-народному, малохольности, своими собственными руками опустил себя ниже плинтуса. Ах, у меня не баскетбольный рост! Ах, у меня фейс не какого-нибудь прынца заморского!.. Что может быть глупее?

Лев говорил с нескрываемым сарказмом, совершенно не щадя самолюбия своего собеседника. Было яснее ясного, что в данном случае не жалость и сочувствие, а хорошая встряска наиболее приемлема для такого типажа – человека, совершенно затюканного и жизнью, и неумными людьми. Ошарашенный его демаршем, Буряк захлопал глазами и почти прошептал:

– Ч-что вы имеете в виду?

– Что-что... А то, что, может быть, она до сих пор ждет не кого-то, а тебя?! – проговорил Гуров в нарочито-грубоватой, доверительной форме. – Может быть, она надеется, что именно ты к ней подойдешь и скажешь: «Женя, прости меня, дурака, за то, что когда-то проявил трусость и не признался тебе в любви! Прости и за то, что продолжаю праздновать труса и делаю вид, будто ты мне безразлична. А ты мне не безразлична, я тебя любил, люблю, жить без тебя не могу и схожу от этого с ума. Будь моей женой!»

– Лев Иванович! – умоляюще почти простонал Костя. – Вам легко говорить! При ваших данных любая королева красоты не устоит. А я... – он безнадежно махнул рукой.

– Пацан ты и есть – пацан... Хоть тебе уже и за тридцать, – в голосе Гурова звучало сочувствие. – Что – рост? Что – внешность? Главное, человеком нужно быть. Ладно. – Лев снисходительно усмехнулся. – Что-то мы отклонились от изначальной темы. Давай вернемся к Горбылину. Меня интересуют его личные контакты как внутри посольства, так и за его пределами. Тебе об этом что-то известно?

С трудом взяв себя в руки, Константин сообщил, что смерть Макса для него стала настоящим потрясением. Да и для многих – тоже. Даже те, что ранее относились к атташе иронично, были в шоке и сожалели о его странной преждевременной кончине.

Хотя и поводов к иронии было более чем достаточно. Горбылин являл собой типаж эдакого «бывалого», которому и море по колено, и горы по плечо. Он любил порассказать о себе нечто невероятное, можно даже сказать, хлестаковски-мюнхаузеновское. Например, о том, как еще в военном училище удивлял преподавателей своими стратегическими талантами и что его курсовая по системе войсковой обороны южных рубежей России на кавказском направлении была издана специальной брошюрой и рекомендована как учебное пособие.

Не менее занимательными были и повествования о том, как, прибыв в спецподразделение пехотных войск, он в течение года сделал его образцово-показательным, и на учениях, где его «орлы» показали высокие результаты, сам министр обороны пожимал ему руку. А еще очень много он рассказывал о своих подвигах во время грузино-югоосетинского конфликта. По словам Горбылина, он осуществлял координацию действий спецназа и бронетехники, благодаря чему и была достигнута победа...

– Да, остается только сказать, для чего там нужны были генералы, для чего нужны были войска, если там было достаточно одного Горбылина, – с грустной иронией резюмировал Гуров.

Скорее всего, в стенах посольства горбылинские байки всерьез воспринимал один только Буряк, знавший об армейской службе лишь с чужих слов. Те же, кто знал армию изнутри, над Павлином-Максом откровенно смеялись. Поэтому его контакты с работниками посольства были весьма поверхностными, и едва ли можно было считать, что кто-то рисковал с ним излишне откровенничать или иметь общие дела.

Что касается внешних контактов, то Буряк был вынужден признаться, что последний месяц его дружба с Горбылиным изрядно остыла. У Макса к той поре в городе появились какие-то знакомые, и он уже сам, единолично, отправлялся в вояжи по городу. Что это за знакомые, Косте он не рассказывал. Но однажды Буряк – это было около месяца назад – вышел прогуляться до ближайшего сквера, где он любил посидеть в небольшом кафе с хорошей мексиканской кухней. Неспешно шагая в тени пальм, на другой стороне улицы он случайно увидел Горбылина в компании с каким-то гражданином явно местных кровей. Причем этот тип смахивал на гаучоса – латиноамериканского ковбоя с криминальными замашками. Они шли параллельно скверу и о чем-то разговаривали. Константин окликать Макса не стал, да и спрашивать о том, кто это такой, отчего-то не решился. В самом деле! А может быть, тот попросил у него закурить, и они разговаривали о достоинствах местного табака?

Лев нахмурился.

– Поня-я-тно. Лицо этого человека не запомнил? Нарисовать смог бы? – спросил он, выслушав своего собеседника.

– Да, конечно! – обрадовался тот. – Если надо – к вечеру будет готово. Вам как лучше – нарисовать портретный вариант или в рост?

– Лучше – и так, и эдак. Как подскажет фантазия... – Гуров поднялся и двинулся к двери.

* * *

В это же самое время Станислав Крячко отправился на собеседование к Веронике Павловне, докторше здешней медчасти, которая располагалась в одноэтажном доме, метрах в полста от служебного здания посольства. Подойдя к постройке, отделанной белым сайдингом, под зеленой крышей из металлочерепицы, Стас вошел в приемную. В углу, напротив входа, он увидел шкаф с бумагами. Рядом с ним был стол, за которым восседала крупная женщина в белом халате и белой косынке.

Поздоровавшись, Крячко представился и уведомил, что хотел бы увидеть главного доктора. Та сообщила, что Вероника Павловна у себя и обязательно его примет. Постучав в дверь с табличкой «Зав. медсанчастью Рябинина В.П.» и, услышав благозвучное, чем-то очень знакомое контральто: «Да, да! Войдите!» – он толкнул застекленную дверь с белыми занавесочками изнутри и увидел... Ту самую хорошенькую особу, которую приметил в столовой.

Докторша в медицинском халате, шапочке и с фонендоскопом на шее сидела за столом и что-то писала в толстенной амбулаторной карте. Стас поприветствовал хозяйку кабинета и объявил о том, что намерен занять не меньше часа ее рабочего времени.

Жизнерадостно улыбнувшись, Рябинина пообещала уделить ему столько времени, сколько он пожелает занять. Приняв озабоченный вид, Крячко указал взглядом на уже основательно истрепанное медицинское «досье», исписанное малоразборчивой докторской скорописью.

– Кстати, хотел бы спросить – у вас амбулаторная карточка, случайно, не Карлсона? Он же – самый больной в мире человек. Вон, я гляжу, сколько записей сделано!..

С ходу поняв суть его прикола, Вероника усмехнулась.

– Вы не поверите, но этого пациента именно так у нас и прозвали – Карлсон. И именно за то, что он хронически «самый больной в мире человек». Это советник посла, Миронец Геннадий Юрьевич, товарищ и в самом деле довольно-таки крупный, к тому же очень любит лечиться. Он здесь у нас гость частый. То – давление проверь, то – температуру измерь, то – легкие послушай...

– Тогда вам тут надо держать большие запасы лучшего лекарства для Карлсонов – конфет, варенья, меда... – хмыкнул Станислав, дивясь чрезмерной заботе посольского работника о своем здоровье.

Сам он уже и не помнил, когда в последний раз был на приеме у «эскулапов».

– Этому Карлсону сладостей нельзя, – с оттенком сочувствия отметила его собеседница. – Поджелудочная у Геннадия Юрьевича ослабленная, есть риск развития инсулинозависимого диабета. Кстати, вы его видели – это он в столовой спрашивал про Москву. Ну а вы ко мне по поводу смерти Максима Горбылина, врио военного атташе?..

– Да... Именно из-за него нас и пригнали в Мехико, на другой конец света. Господи, как же тяжело привыкать к суткам наоборот! Месяца три назад мы с Львом Ивановичем летали на Дальний Восток. Тоже, скажу вам, край не ближний, и тоже пришлось привыкать к смене часовых поясов... Но здесь – вообще, полный атас! Это и понятно – другое полушарие. Вот, сейчас у нас дома вечер, тут – утро. Еще немного, и буду засыпать на ходу.

Он передернул плечами и помотал головой.

– Ну, что уж так спешить домой? – проговорила Вероника. – Погостите, посмотрите Мексику – когда еще тут доведется побывать?

Стас пообещал обязательно воспользоваться ее советом. Перейдя непосредственно к делу, он попросил рассказать о состоянии здоровья Горбылина – с чем обращался, от чего лечился, какие болезни перенес, проводила ли доктор Рябинина посмертный осмотр его тела.

Достав из шкафа медицинскую карточку врио атташе, Вероника сообщила, что за время работы в посольстве Горбылин обращался к ней раз восемь. Первый его визит в медчасть был чисто дежурным – как вновь прибывший он должен был пройти обследование и сообщить о себе всю необходимую информацию. Как явствовало из записи в карточке, Горбылин Максим Викторович, семьдесят восьмого года рождения, подполковник Российской армии, уроженец Пензы, дважды женатый и дважды разведенный, в общем и целом на день оформления карточки на состояние здоровья не жаловался.

О своих былых болезнях и травмах сообщил, что в детстве перенес токсический энтерит в спортивно-оздоровительном лагере по причине того, что неумеха повар вместо каши с мясом сварил сушую отраву. Во время прохождения службы в качестве командира взвода мотострелков в две тысячи третьем он лечился в госпитале по поводу сотрясения мозга, полученного во время войсковых учений. По словам Горбылина, это произошло в момент десантирования из БМП. Когда он первым покидал отсек боевого расчета, рядом рванул учебный фугас, и его взрывной волной отбросило назад, ударив головой об одну из створок бронедвери машины.

При клиническом обследовании в медчасти было обнаружено, что у Горбылина М.В. предположительно может иметь место дисфункция печени и начальная стадия артрита левого коленного сустава. Кроме того, на основании косвенных признаков предполагалось наличие бессимптомного простатита.

Второй визит врио атташе произошел через пару дней, как считала Вероника, по надуманному предлогу, имевшему единственную цель – установить с ней более близкие отношения. Но, что особо подчеркнула докторша, какого-либо запредельного впечатления он на нее не произвел.

– Смазливенькие барышни в штанах – не в моем вкусе... – отметила она. – Почти полная копия моего бывшего.

– А Горбылин был «барышней в штанах»? – с интересом уточнил Станислав.

Поморщившись, Вероника в знак согласия кивнула.

– Знаете, меня сразу же очень впечатлили два его развода. Если мужчина не смог ужиться с двумя женами, то он или вообще не разбирается в людях, или сам являет собой такое «счастье», от которого все бегут, как от чумы. Ну, он, скорее всего, был вторым вариантом. Это можно было понять из того, как он сам себя нахваливал и превозносил, – констатировала она.

Как пациент Горбылин дважды обращался в медчасть с симптомами «высотной болезни» – сильным головокружением и расстройством пищеварения. Будучи латентным ипохондриком, склонным в любом пустяке видеть нечто смертельное и неизлечимое, врио атташе еще два приходил с заурядной мигренью, считая ее патологически возросшим внутричерепным давлением. Он подозревал, что из-за этого может развиваться что-то наподобие инсульта.

– Пришел ко мне, стонет и охает. Вижу – никакие слова его не убеждают, – задумчиво рассказывала Вероника. – Ну и ладно! Даю обычные назначения от мигрени, ввожу ему физраствор, при этом как бы про себя рассуждая о том, что приходится тратить на ерунду высокоэффективные лекарства. Минуты не прошло, он уже объявляет, что у него все уже хорошо, что уже отпустило... Что было еще? Небольшой конъюнктивит по причине излишнего пребывания на солнце, небольшая невралгия тройничного нерва. Ну, это – мелочи, которые привести к смерти никак не могли.

Как явствовало из дальнейшего повествования Вероники, о смерти Горбылина она узнала вечером, когда уже была у себя дома и смотрела по телевизору местную развлекатель-

ную передачу. Ей позвонили и сказали, что атташе Горбылин найден у себя в квартире без признаков жизни. Она быстро собралась и со своего четвертого этажа спустилась на третий, где и проживал врио атташе. Когда она вошла, Горбылин лежал у входной двери лицом вниз. Проверив пульс, Вероника констатировала наступление смерти и начало трупного окоченения в области жевательных мышц. Каких-либо признаков насильственной смерти заметно не было.

По поручению главы посольства комендант вызвал местную полицию и машину из морга. Прибывшие полицейские и судмедэксперты также констатировали, что смерть Горбылина, скорее всего, имеет ненасильственный характер. По просьбе главы посольства местные правоохранители пообещали провести вскрытие и провести токсикологический анализ. Но, судя по результатам осмотра квартиры, в ней не было даже намека на наличие ядов или наркотиков.

– ... Вот, теперь ждем результатов токсикологической экспертизы, – сказала Рябина в заключение своего рассказа.

– Как я понял из того, что уже удалось услышать, этот гражданин был охоч до женского общества, – выслушав ее, констатировал Крячко. – А в гости к нему дамы часто заходили? У него в квартире бывали какие-то гулянки, пирушки?

– Мне кажется, здесь, на территории посольства, он не донжуанил – наша женская половина к его чарам оказалась равнодушной. Я слышала, что у него была постоянная любовница – продавщица из магазина, по-моему «Эль Кондор». Но это на уровне слухов. Не исключаю, что бегал он и в местные бордели.

– А они здесь есть? – скептически спросил Стас. – В Мексике, насколько я знаю, подобное запрещено.

Вероника покачала головой.

– Формально – запрещено, а фактически – сколько угодно. Это почти как и у нас. Вроде бы ловят, вроде бы штрафуют, кого-то даже сажают, а платные интим-услуги повсеместно. Ну а здесь и вовсе глаза закрывают на деятельность притонов. Вон, взять Тихуан – город на границе с Техасом. Там, вообще, говорят, интим-заведений – тьма. А суть в чем? Туда косяками едут американцы и оставляют там свои баксы. Экономически государству это выгодно, поэтому на моральные издержки мексиканские власти внимания не обращают. Кстати, по каким-то делам Горбылин в Тихуан ездил, и не однажды. Вроде бы в составе инспекции пограничных частей и военной полиции.

– Так! – Станислав потер лоб ладонью и, как бы про себя, предположил: – Получается, если он там бывал, то вполне мог оказаться у тех же американцев «на крючке» и его могли принудить работать на США. Логично? Логично. Потом он им оказался не нужен, и его угостили ядом пролонгированного действия, не оставляющим следов в организме. Зачем им оставлять в живых того, кто слишком много знал? Верно?

– М-м-м... Не знаю! – Рябина пожалала плечами. – Это не моя сфера деятельности, мне об этом трудно судить.

– Похоже, сфера и не совсем наша, – отметил Крячко. – Тут, я вижу, скорее, нужен не угрозыск, а ФСБ.

На его вопрос о родных и близких врио атташе Рябина пояснила, что знает о них тоже на уровне слухов. Отец Горбылина хоть и не олигарх, но человек не бедный. Он в нескольких регионах на протяжении немалого числа лет возглавлял дорожно-строительные ведомства. Трудно сказать, насколько хороши были построенные им дороги, но несколько лет назад Горбылин-старший ушел в отставку и купил себе в Подмосковье большой завод строительных материалов.

Есть ли дети от Горбылина у его бывших жен, в посольстве никто не знал, но месяца полтора назад одна из них подала на него какой-то иск, и он уже несколько раз по телефону советовался со своим адвокатом в Москве. Кроме того, врио атташе без конца хлопотал о

кандидатской степени. Как поговаривали в посольстве, он нашел себе безденежного спеца, который за не самые большие деньги «кропал» ему диссертацию по военным наукам.

Когда разговор был закончен, Стас откланялся.

Глава 4

Крячко вышел из медчасти на улицу и взглянул на часы. Дело двигалось к обеду, и он решительно направился в столовую. Стас уже поднимался по ступенькам на крыльцо, как сзади послышался голос Гурова:

– А про меня не забыл?

Оглянувшись, Крячко с наигранной досадой всплеснул руками.

– Ах ты ж, боже ж ты мой! Забыл! Как есть – забыл! Ай-яй-яй! А ты тоже обедать?

Лев пожал плечами.

– Ну, если здесь солярий, то позагораем, если каток – шайбу погоняем. А вот если столовая – то, может, и поедим. Тебе сейчас что ближе? Кстати! Как успехи-то? С кем успел побеседовать?

– Скажи ты первый! – Крячко ткнул в его сторону указательный палец.

– Скажу! – невозмутимо ответил Гуров. – Я встретился с чрезвычайным и полномочным послом, со вспомогательным сотрудником атташата, с третьим секретарем. Есть приметы одного типа англо-саксонской наружности, с которым Горбылин встречался вне территории посольства, к вечеру будет готов портрет мексиканца, который также был замечен в компании с Горбылиным.

Услышанное Стаса огорошило – надо же, какие темпы и результативность! Откашлявшись, Стас с помпезностью и довольно пространно объявил:

– А я работал в сфере медицины, выясняя обстоятельства, приведшие к смерти гражданина Горбылина. По мнению руководителя здешней медчасти, не исключена смерть от причин насильственного характера...

– А... начальник медчасти, – вкрадчиво и как бы даже соболезнующе продолжил мысль приятеля Лев, – надо полагать, та самая хорошенькая гражданочка, с которой во время завтрака ты обменивался пылкими взглядами... Я прав?

Это было чем-то уже наподобие удара «под дых». Испепеляющее взглянув на приятеля, Крячко решительно распахнул дверь и вошел в столовую. Их трапеза прошла в полном молчании. Когда опера вышли из обеденного зала, то, можно сказать, столкнулись с Вероникой, которая тоже пришла на обед. Доктор Рябинина и Стас обменялись взглядами, что для Гурова никак не осталось незамеченным. Когда Вероника скрылась в столовой, Лев негромко спросил:

– У вас с ней сегодня randevu или вы оба сторонники практики «трех свиданий», когда постель допустима только после третьей встречи?

Издав приглушенное, маловразумительное бурчание, Станислав демонстративно проигнорировал этот вопрос. Гуров, рассмеявшись, примирительно хлопнул друга по плечу и уже вполне серьезно предложил:

– Ну, хватит дуться! Давай обсудим, что у нас есть на этот момент, и прикинем, куда и как двигаться дальше.

– Давай, давай! – все еще пребывая во власти эмоций, хмуро обронил Стас. – Только без пошлых намеков!

– Абсолютно! – Лев прижал руку к груди. – Клянусь всем Западным полушарием, да и Восточным – тоже! Пошли вон к той лавочке, присядем, потолкуем...

Они сели на нагретую полуденным солнцем фасонистую деревянную скамейку со спинкой. Глядя на жиденькие тучки, медленно ползущие по небосклону, Гуров откинулся назад и, сплетя руки на груди, задумчиво отметил:

– Как бы не к дождю... Сезон дождей тут вроде бы закончился, но небо какое-то подозрительное. И спать-то как хочется! Ходишь, как чумной!

– А то! – не сдержав зевка, Крячко передернул плечами. – Короче, Вероника рассказала, что любовница Горбылина работает в магазине «Эль Кондор». Думаю сходить, пообщаться. Вот только без переводчика не обойтись. Кого бы взять с собой?

– Есть тут один знаток Мехико, который числился как бы в друзьях усопшего Горбылина. Он, я так понял, испанским владеет как родным. Это третий секретарь Буряк. Парень неплохой, но закомплексованный и затюканный донельзя, – отметил Лев.

– А почему он был «как бы в друзьях»? – уточнил Стас, тоже положив ногу на ногу и обхватив коленку сцепленными руками.

– Ну, потому, что господин Горбылин мнил себя чем-то заоблачным, а все прочие были обязаны улаживать его бесценное эго... – с ноткой сарказма пояснил Гуров. – Формально они считались хорошими друзьями, но на деле речь о дружбе не идет. Это было наподобие того, как какая-нибудь хабалка находит себе «в подружки» бедолагу, которой не повезло с внешностью, чтобы на ее фоне хотя бы себе самой казаться королевой красоты...

– Вон оно чего... – Крячко понимающе кивнул. – У парня те же проблемы?

– В чем-то – да... Он дико комплексует из-за роста. Кстати, вон он идет! – Лев указал глазами в сторону третьего секретаря, который вышел из служебного корпуса и направился в сторону жилого, как видно, собираясь пообедать. – Константин! На минуточку можно тебя? – окликнул он Буряка.

Тот, взглянув в их сторону, кивнул и с улыбкой зашагал к операм.

– Здесь работает его бывшая однокашница, от которой он без ума. Она к нему, похоже, тоже равнодушна. Но он страшно боится женщин, хотя и каратист! – скороговоркой пояснил Гуров и жестом пригласил подошедшего к ним Константина присесть на скамейку.

Тот сел. Крячко подал ему руку и представился:

– Станислав Крячко.

– Константин Буряк! – ответил тот на рукопожатие.

– Слушай, Костя, а с кем бы можно было поговорить, чтобы тебя прикомандировали к нам для работы в городе? – Лев вопросительно посмотрел на Буряка. – Мехико мы не знаем, по-испански, по сути, ни бум-бум... Нам нужен толковый, дельный помощник. Как смотришь на это?

Не ожидавший такого предложения Константин был польщен тем, что московские светила уголовного розыска хотят привлечь его к своей работе.

– Да, смотрю я только положительно! – Буряк энергично поднялся со скамейки. – Прямо сейчас зайду к Шаталину Василию Кирилловичу – это старший советник, и с ним в два счета все уладим.

– Постой, постой! Не горячись! – Гуров жестом остановил Буряка. – Ты шел пообедать? Вот! В нашей работе есть святое правило: обед не может отменить даже атомная бомбардировка. Сначала надо подкрепиться, а потом уже все остальное.

– Понял! – явно кипя избытком внутренней энергии, Костя кивнул и добавил: – Кстати, рисунки уже готовы. Сейчас я – быстренько в столовую, к Василию Кирилловичу и несу рисунки вам. Сюда принести?

– Да, да, мы будем здесь, – подтвердил Крячко.

Когда Буряк своим «скороходным», бегущим шагом направился к столовой, глядя ему вслед, Стас рассудил:

– А по-моему, зря он комплексует! Нормальный парень... чего боится?.. Ладно! Приступаем к расширению своего поля деятельности. Сейчас я беру фото Горбылина и с Костей иду в тот магазин. Если в «Кондоре» его никто не опознает, пойдём по всем прочим торговым точкам на обозримой дистанции.

Опера в общих чертах обсудили все основные варианты поиска людей, знавших Горбылина. Если таковых удастся найти, это значительно повысит шансы определить реальную при-

чину его смерти. А случись выяснится, что она насильственного характера, уже можно будет наметить конкретных подозреваемых.

– Ну а я... – что Лев хотел сказать дальше, Крячко так и не услышал, поскольку в кармане у Гурова запиликал телефон спутниковой связи.

– Петруха!.. – доставая телефон, обронил Лев и, поздоровавшись с Орловым, насмешливо поинтересовался. – Тебе какого черта не спится в такое время? Дело-то уже, поди, к часу ночи близится?

– Здорово, Лева! Привет и Стасу. Как вы там, что у вас? Осваиваетесь? – усталым голосом спросил генерал.

– Параллельно с работой осваиваемся, параллельно с акклиматизацией работаем. Есть уже и кое-какие результаты...

Гуров рассказал об итогах встреч с сотрудниками и персоналом посольства. Услышанное Орлов оценил однозначным: «Молодцы!» Предположения оперов, что смерть Горбылина может быть не связана с естественными причинами, он полностью поддержал, порекомендовав работать, не считаясь со временем.

– Если что – командировку продлим, денег пришлем. Вы только, случись задержаться, не забудьте вовремя обменять обратные билеты, – посоветовал он.

Посетовав на то, что нет возможности послать в Мексику своих, главковских криминалистов во главе с Дроздовым – уж, они бы, по мнению генерала, как должно навели бы шороху с установлением причин смерти, он порекомендовал «на мексиканцев надеяться, а самим не плошать».

– Ты глянь, каков метеор! – в этот момент хохотнул Стас, глядя в сторону направляющегося к ним Буряка. – Ну, Костя! Мухой обернулся. Уже вон и рисунки несет.

В телефоне на какой-то миг установилось полное молчание.

– Гм! О чем это он там? Кто, куда и какой мухой обернулся? О каких рисунках речь? – недоуменно спросил Орлов.

– Сотрудник посольства, которого планируем задействовать, – внес ясность Гуров. – Парень пусть и не «девятиногого генеральского размера», а всего лишь сорок шестого, зато отлично знает испанский и великолепно рисует.

Услышав его последние слова, Буряк смущенно порозовел и протянул несколько листов бумаги, на которых в карандаше в рост, фас и профиль был изображен кряжистый мексиканец лет пятидесяти, с тяжелым, хмурым взглядом. Художник-самоучка сумел передать не только черты лица этого человека, но и его характер.

– Супер! – оценил Лев, лишь мельком взглянув на работы Константина. – Это я о портретных зарисовках, где изображен какой-то знакомый Горбылина из местных... – пояснил он Орлову.

– Ну и отлично! – удовлетворенно откликнулся тот. – Ну, а рабочих версий пока никаких?

– Кое-какие заметки есть, но говорить об этом пока преждевременно, – уведомил Гуров. – Слушай! Ты выйди на Минобороны, запроси у них информацию о Горбылине. Где-то в начале двухтысячных у него была серьезная черепно-мозговая травма. Узнай, по какой причине. Пусть выяснят у его бывших сослуживцев. Судя по его репутации в среде дипломатов, треплом он был порядочным. Его рассказ о том, как он ударился головой об БМП во время войсковых учений, у меня почему-то вообще никакого доверия не вызывает.

– Хорошо, займемся, – пообещал Орлов. – Подключу Жаворонкова и Прохорова. Хлопцы проворные, разузнают быстро. Только информация будет ближе к вашей полночи. Или к вашему завтрашнему утру. Устроит?

– Безусловно! – согласился Лев. – Ради такого дела можно и под утро позвонить.

Когда он сунул телефон в карман, Крячко, рассматривая рисунки, озабоченно отметил:

– Кстати! Нам с тобой стоило бы обзавестись местными симками, чтобы быть постоянно в контакте. У тебя же мобила на две симки?

– На две, на две... Я вообще-то уже и сам об этом думал, – Гуров взглянул на Буряка. – Есть где-нибудь поблизости салон сотовой связи?

– Да, вон в ту сторону, вправо от ворот пройти, и там можно купить, – закивал тот. – Можем прямо сейчас сходить. Василий Кириллович дал «добро», и я теперь в любое время могу с вами ездить по городу, вне зависимости от того, сколько это займет.

– Отлично! – одобрил Стас. – Тогда – вперед. Сейчас возьмем у кадровиков фото Горбылина и – айда по городу!

– Давайте, парни! – Лев поднялся со скамейки. – Пока занимайтесь с кадровиками, а я сейчас забегу к Еринцову, попрошу его через полчаса собрать всех подчиненных – дворников, шорников, сантехников и хорошенечко с ними побеседую. Эти люди чаще всего бывают наилучшими источниками информации. О, кстати! Стас, возьми портреты этого мексиканца фас и профиль, с Костей зайдите к ближайшее отделение полиции, пусть посмотрят – вдруг этот тип есть у них в картотеке?

– Дельная мысль! – вскинув большой палец, одобрил Крячко. – Ну, давай, минут через пять-десять встретимся у ворот.

Они разошлись, каждый в свою сторону. Станислав и Буряк направились к зданию диппредставительства, а Гуров поспешил к жилому корпусу. Войдя в холл, он постучал в дверь кабинета коменданта. Тот оказался на месте и, выслушав визитера, пообещал, что через полчаса оперуполномоченный сможет увидеться со всеми работниками подсобных служб.

– ...Если желаете, можете с ними беседовать даже в этом кабинете, – великодушно предложил он.

Поблагодарив Еринцова за вполне своевременное содействие, уже собираясь уходить, Лев неожиданно спросил:

– Виталий Валентинович, а вот на территории посольства вам самому не доводилось сталкиваться с ядовитыми представителями местной фауны – пресмыкающимися, членистоногими?

Тот, озадаченно помолчав, пожал плечами.

– Честно говоря, ни разу... Может, дворнику доводилось видеть этих тварей? Тут, понятно, как и во всяких тропиках, ядовитой живности хватает, но лично сам – нет, не видел и даже не слышал от других. Понимаете, мы же в мегаполисе! Тут потоки машин, людей, загазованность, дворники метут, всякими дезосредствами и посыпают, и поливают. Тут едва ли выживет хоть какая-то тварь, будь она даже трижды ядовитая. Если вы предполагаете, что Горбылин умер от укуса змеи или паука, то их бы нашли во время обыска. Местные полицейские там все обшарили. Ничего не было.

– Хорошо... – Гуров вздохнул. – Разумеется, в профессионализме своих коллег я не сомневаюсь, но... Осмотреть квартиру лично считал бы крайне необходимым. Давайте так... После общения с обслуживающим персоналом возьмем с вами пару понятых, и я сам осмотрю квартиру Горбылина еще раз.

– Пожалуйста, пожалуйста! – снова согласился комендант. – Организуем.

Когда Лев подошел к воротам, ни Стаса, ни Буряка там не оказалось. Узнав у охранников, что опер Крячко и третий секретарь Буряк за пределы территории не выходили, он удивленно оглянулся – где это они там застряли?

Минут через пять ожидания увидел, как из здания наконец-то вышли Костя и Станислав. Причем Буряк лучился от счастья.

Лев сразу же понял, чем вызвано блаженное выражение лица Константина. «Похоже, Костя объяснился-таки со своей Женей. И карта ему выпала козырная...» – подумал Гуров.

– Все в порядке? – прищурился он, сохраняя невозмутимый вид.

– Лев Иванович, вы – гений! А Станислав Васильевич – вообще просто супермолодец! – с ликованием в голосе объявил Буряк. – Да, теперь – все в полном порядке!

Они через проходную вышли на шумную, людную улицу, и Костя в деталях рассказал о произошедшем.

...Когда они со Стасом поднялись на второй этаж и направились в кадровую службу, Буряк в какой-то миг невольно остановился, словно налетел на каменную стену. Удивленно оглянувшись, Крячко увидел, что его спутник с позеленевшим лицом и широко раскрытыми глазами напряженно смотрит куда-то в глубь коридора, где стояла молодая, весьма привлекательная особа, которая с кем-то говорила по сотовому телефону. Мгновенно оценив ситуацию, Станислав строгим тоном поинтересовался:

– Это – она? – окинув внимательным взглядом Буряка, чья макушка едва достигала его плеча.

Тот в ответ лишь чуть заметно кивнул и попытался что-то сказать, но слова застряли где-то в гортани, обратившись в маловразумительное междометие. Понимающе усмехнувшись, Крячко вполголоса непререкаемым тоном отчеканил:

– Значит, так! Ты сейчас к ней подходишь и говоришь ей все, что должен был сказать. Понял? Ты, вообще-то, хотя бы представляешь, о чем и как надо говорить?

– Да, Лев Иванович мне объяснил... – Костя наконец-то обрел дар речи.

– А-а, ну тогда все упрощается! Иди и говори, как подобает мужчине. Иди же, черт побери! Пока она стоит, пока нет лишних глаз и ушей. Чего ждешь?! Ну?! – Стас толкнул Буряка в спину, и тот, видя, что Женя, положив телефон в сумочку, уже собирается уходить, на непослушных, ватных ногах побежал вслед за ней.

Стас, делая вид, что его очень интересует форма плафонов под потолком, краем глаза наблюдал за происходящим. Он видел, как, догнав девушку, Костя взял ее за руку и торопливо, захлебываясь, что-то начал говорить. Та, как видно, ошеломленная его словами, стояла не двигаясь, полностью потеряв способность хоть что-то сказать в ответ. Когда Буряк закончил свой «спич», он еще некоторое время не отрываясь смотрел на недвижимо замершую Женю. Но, не дождавсь ее ответа, выпустил руку и, пожав плечами, медленно пошел назад.

«Ну, ты, балда, чего думаешь-то?! Хоть слово-то ему скажи!..» – мысленно потребовал Станислав, и Женя, словно услышав его мысли, дрогнула и негромко окликнула:

– Костя, подожди!

Теперь уже она, цокая каблучками, догнала Буряка и, тоже взяв его за руку, о чем-то заговорила со смущенно-виноватой улыбкой. Потом, быстро коснувшись губами его щеки и заливаясь краской, торопливо ушла. Константин, обернувшись к Крячко, был совершенно не похож на себя недавнего. Теперь это был совсем другой человек. Он как будто стал выше и даже раздался в плечах. Подойдя к Станиславу, Буряк сжал его запястье своими тонковатыми, но на удивление жесткими и крепкими пальцами, и взволнованно сообщил:

– Станислав Васильевич, она сказала, что хочет со мной видеться и что все эти годы думала обо мне! Я не могу поверить тому, что прямо сейчас произошло... Господи! Не свихнуться бы от такого счастья!

Рассмеявшись, Крячко приятельски хлопнул его по плечу и сказал:

– А вот этого не надо! Как говаривал один мультяшный герой: дело-то житейское! Воспринимай это как должное, как заслуженную награду за свое долготерпение, за свою наконец-то проявленную смелость. Думай теперь о будущем. Как будете с Женей строить свою дальнейшую жизнь, как не наломать дров, чтобы очень скоро не разочаровать ее и не разочароваться самому. Жизнь штука хитрая. Знаешь, следом за эйфорией наступают обычные, скучные будни. И вот они-то и становятся проверкой, насколько серьезно все то, что вас связывает. Уловил?

Костя, все еще не в силах справиться со своими чувствами, улыбаясь, часто-часто закивал в ответ.

...Шагая по улице, заполненной смуглолицыми горожанами мексиканской столицы, самых разных оттенков кожи – от бледновато-румяного до темно-коричневого, опера и их спутник разговаривали «за жизнь», в контексте только что происшедшего.

– Вообще-то, в нашей жизни полно парадоксов, – шагая по выстеленному плиткой тротуару, философствовал Гуров. – Я никогда не мог понять, почему вопросами демографии у нас очень часто занимают или какие-то импотенты, или занудные, фригидные тетки. А я бы, наоборот, на это направление деятельности ставил самых отборных бабников, но романтиков...

– А такие бывают? – подначивая, уточнил Станислав.

– Один из них идет рядом со мной и периодически задает глупые вопросы, – в тон ему ответил Лев.

Все трое громко рассмеялись, обращая на себя внимание местных жителей.

– Мы не слишком неправильно ведем себя с точки зрения местного уличного этикета? – приглушив голос, Гуров обернулся к Буряку.

Тот, безмятежно улыбаясь, уведомил, что здешний народ и сам довольно-таки эмоционален и поэтому живость чужой природы воспринимает нормально. Вот нытье и меланхолия здесь не в почете. Лев в знак одобрения кивнул и продолжил:

– Так вот, в ведомствах ответственными за демографию я назначал бы бабников-романтиков и сексапильных эротоманок. Гарантирую, что наша демография тут же рванула бы в гору. У них же совсем другая энергетика, совсем иные подходы...

– Мы пришли! – объявил Буряк, указав на встроенный в здание магазин электроники.

Купив себе СИМ-карты местного оператора, приятели обменялись номерами. Заодно произвели обмен номерами и со своим добровольным гидом.

– Ну вот, – выходя на улицу, удовлетворенно отметил Стас. – Теперь и у нас есть нормальная, современная связь. Ну, что, Лев, ты в посольство? Давай! А мы тогда прямо сейчас зайдем в полицию. Костя, ты ж вроде говорил, что отделение где-то тут, совсем рядом? Вот! Ну а потом пойдем искать «герл-френд» нашего усопшего.

...Вернувшись в посольство и испытывая дикое желание немедленно лечь и уснуть, Гуров обосновался в кабинете Еринцова, и к нему по одному потянулись технические сотрудники, обеспечивающие жизнедеятельность представительства. Первым зашел дворник Георгий Зайцев, как оказалось, муж уже шапочно знакомой Льву завпищблоком Антонины. Их семья в Мехико работала уже около десяти лет. Здесь уже подросли их дети. И именно поэтому чета Зайцевых начала подумывать о возвращении в Россию, чтобы те, вжившись в мексиканскую среду, не захотели остаться здесь навсегда. Что касается Горбылина, то его дворник оценил однозначно: балабол.

– Мне в нем сразу не понравилась эта его спесь... – пригладив усы, повествовал Зайцев. – Нет, перед теми, кто рангом выше, он стелился прямо ковриком придверным. А вот к людям, кто рангом ниже, отношение было совсем другое.

Это Георгий заметил, когда Горбылин еще только прибыл в посольство. Первый раз увидев врио атташе во время уборки территории, он, как и обычно, как и со всеми прочими, вежливо с ним поздоровался. Но на его «Доброе утро!» Горбылин в сторону дворника лишь чуть покосился («Как будто на блоху какую глянул», – особо подчеркнул Георгий) и что-то мало-вразумительное буркнул в ответ... То ли «Тьфу!», то ли «Пошел ты!»

На следующий день, увидев чванливца, Зайцев отвернулся, сделав вид, будто его не замечает. Тот сразу ударился в амбиции: «Ты почему это не здороваешься?! Ты чего это о себе возомнил?!» – на что дворник спокойно, с достоинством ему ответил: «Тут холуев нету!» Это настолько уязвило врио атташе, что тот немедленно помчался к Еринцову с претензиями. Вита-

лий Валентинович его выслушал, но сказал то же самое: «Тут холуев нет!»... Покачав головой, Георгий от души рассмеялся.

Каких-либо контактов Горбылина с гражданами Мексики и других государств дворник не замечал. Врио атташе на встречи с мексиканскими коллегами ездил на штатном «БМВ» и прогуливаться пешком выходил нечасто. Впрочем, как-то раз Георгию удалось заметить, как в некотором отдалении от территории посольства Горбылин садился в машину яркой блондинки с мексиканскими чертами лица. Девушка была одета небедно, да и ее машина, чувствовалось, стоила немало. Ее номер дворник не запомнил, но цвет и марка машины память сохранила – это был черный «Роллс-Ройс».

Когда Лев уже заканчивал разговор с дворником, вошла его жена Тоня. Чего-то особо важного рассказать она не могла, но кое-что все же сообщила. Как-то во время завтрака ему кто-то позвонил. Выслушав своего собеседника, Горбылин по-испански ответил что-то наподобие: «Это мне подходит, бери!» О чем конкретно шел разговор, осталось неизвестным. Как припомнила Антонина, разговор этот состоялся около месяца назад.

Одна из уборщиц, Эльвира Федоровна, которая убиралась на этаже, где размещалась квартира врио атташе, да и в самой его квартире, о «господине Горбылине» была невысокого мнения. На ее взгляд, он был сибаритом и неряхой. Когда она приходила убираться, везде были разбросаны окурки, постель он никогда не убирал, хотя врио атташе когда-то окончил военное училище, где подобной, не самой сложной процедуре учат всякого. О разбросанных носках и невымытой посуде можно уже и не говорить ничего.

Эльвира Федоровна припомнила, как однажды нашла под кроватью Горбылина пустую упаковку из-под американских антибиотиков, применяемых для лечения от гонореи.

– Вы уверены? – недоуменно уточнил Гуров. – Вы знакомы с медициной?

– Еще как! – усмехнулась та. – У меня среднее медицинское образование, я лет десять работала фельдшером «Скорой». Просто когда здесь подвернулось место, я согласилась без колебаний. Надоело жить на копейки, а у меня дочь учится в университете.

Мексиканца, изображенного на рисунке Буряка, никто из обслуживающего персонала опознать не смог.

Когда собеседования закончились, прихватив с собой чету Зайцевых, следом за Еринцовым Лев поднялся на третий этаж к квартире Горбылина. Оторвав наклейку, опечатывающую дверь, комендант отомкнул замки, и Гуров, а следом за ним и все остальные, вошли в «двушку».

Гуров не спеша осмотрел столы, шкафы, всевозможные ящики и коробки. Но нигде ничего такого, что могло бы стать подсказкой, зацепкой, намеком на случившееся здесь пару суток назад, не обнаруживалось. В самом конце своего изучения квартиры Лев вынес из кухни мусорное ведро и, расстелив на полу газету, высыпал из него мусор. Вооружившись веником, он осторожно начал перемещать сигаретные пачки, окурки, смятые упаковки от соков и пива с одного края газеты на другой.

Неожиданно в поле его зрения оказался пластиковый прямоугольничек с витиеватой надписью латиницей, магнитной полоской по нижнему краю и изображением улыбающейся, пушистой кошки. Осторожно подняв свою находку, Гуров осмотрел ее с обеих сторон. На другой стороне было изображение отпечатка женских накрашенных губ, поверх которого мелкой латиницей был написан какой-то адрес, а ниже – номер телефона. Поскольку испанский язык Лев успел освоить лишь на самом элементарном уровне, он обернулся за помощью к своим сопровождающим. Чета Зайцевых дружно развела руками. Испанский они худо-бедно знали, но чисто на «кухонно-магазинном» уровне.

Лишь Еринцов, взяв карточку, с усмешкой прочел вслух:

– Массажный салон «Ласковая киска». Так, а что здесь написано? Здесь – адрес салона: улица Красивых Облаков, дом пятьдесят, подъезд номер два... Вообще-то, скорее всего, это

полуподпольный публичный дом, замаскированный под массажный салон. Здесь это обычное дело. Такие карточки для оплаты услуг продают в некоторых киосках и интим-салонах. Для чего это ввели? Во-первых, хозяева борделя без проблем, случись чего, могут открутиться от ответственности за организацию проституции. А мы денег не брали – их у нас нет. А перечисление этот сеньор сделал, может быть, даже из благотворительности? Вот и все! Правда, местные власти особо и не усердствуют по части искоренения этого разврата. Бордели исправно перечисляют налоги, поэтому их и не трогают. Меньше и риска в смысле нападения грабителей – налички нет, грабить нечего.

– Скажите, Виталий Валентинович, а в посольстве знали, что Горбылин посещал заведения подобного рода? – Гуров вопросительно посмотрел на всех троих.

Зайцевы, собиравшиеся уходить, уведомили, что усопшего лично они считали человеком неискренним, непорядочным, но вот о его похождениях за стенами посольства ни разу не слышали. Еринцов тоже лишь развел руками.

– Ну, то, что он трепло и раздолбай еще тот, – не знал только глухой. А вот про бордели что-то ни разу никем не упоминалось.

– Судя по тому, что Эльвира Федоровна находила в этом помещении упаковку от антибиотиков, предназначенных для лечения венерической болезни, надо думать, клиентом он там был частым, – констатировал Лев. – А эта улица Красивых Облаков – она далеко отсюда?

Задумчиво поглядев в окно и что-то прикинув в уме, комендант сообщил, что если ехать на автобусе, то на дорогу уйдет с полчаса, а то и час – не меньше.

– Но это я так, условно прикидываю, – добавил он. – В тех краях я не был ни разу. Мне там делать нечего. Там, говорят, таких забегаловок полно – местный вариант саун, массажные салоны, фотостудии, солярии... Об этой улице здесь в приличном обществе даже упоминать – не к лицу. Тем более, что хозяева некоторых борделей для того, чтобы к ним шло побольше клиентов, всю пользуются услугами местных колдунов. Вроде бы даже некоторых настолько привораживают, что они там все свои средства оставляют. Как наркоманы. Но это только на уровне слухов.

– Ну, слухи слухам рознь... – усмехнулся Гуров. – Есть слухи, хотя бы относительно похожие на правду, а есть и заурядный бред.

– Вы имеете в виду информацию о колдовских обрядах? – чуть прищурился Еринцов. – Я не стал бы утверждать так категорично. Мне рассказывал очевидец, что два раза в год, в ночь полнолуния, девицы из всех этих борделей, саун, салонов и прочих забегаловок проводят особый магический ритуал. Это происходит перед началом сезона дождей и по его окончании. Там, в начале и в самом конце улицы Красивых Облаков, есть два каменных столба – белый и черный. В двенадцать ночи, натершись какими-то снадобьями, по сути, неглиже, только с перьями в прическе и за спиной, все эти особы выходят из своих логовищ и цепочкой идут по кругу. Они трижды обходят оба эти столба, держа в руке какие-то амулеты и читая то ли мантры, то ли заклинания. Говорят, в это время туда даже бандюганы соваться не рискуют. И все... На следующий день в салонах – аншлаг, и все последующие месяцы клиентов в достатке.

Слушая его, Лев пожал плечами.

– А они как идут? По часовой стрелке или против? – иронично рассмеялся он, переводя услышанное в шутку.

– Этого я не знаю, – комендант наморщил нос и почесал пальцами ухо. – Сходите, посмотрите, если не боитесь, что наведут какую-нибудь порчу... Кстати, дня через два-три уже полнолуние, так что такая возможность есть. Но лично я туда даже под дулом пистолета не поеду!

Они вышли из квартиры, Еринцов закрыл ее на ключ и прилепил на место полицейскую наклейку. Уточнив, где бы сейчас можно было найти помощника начальника службы безопасности Даниила Смирнова, Гуров отправился к служебному зданию диппредставительства. Как оказалось, кабинеты службы безопасности находились на первом этаже справа от входа.

Пройдя несколько шагов по коридору, Лев увидел дверь с табличкой «Пом. нач. СБ Смирнов Д. А.».

Глава 5

Даниил оказался на месте. Он что-то писал в толстенном журнале. Оторвавшись от своей работы, Смирнов вышел к гостю из-за стола и пригласил присесть.

– Как успехи, Лев Иванович? Как самочувствие? – улыбаясь, поинтересовался он. – Не тяготит высокогорный климат?

– С этим-то хоть и не все в порядке, но терпимо, – Гуров небрежно махнул рукой. – Скажите, Даниил, а ваша служба некоторые моменты личной жизни здешних сотрудников как-то отслеживает? Ну, чем они занимаются на досуге, с кем встречаются, что за дела у них за пределами посольства?

– Лишь в определенной мере... – подняв брови, Смирнов пожал плечами. – Установить тотальный контроль за всеми служащими мы просто не в состоянии. Наша основная задача – обеспечить безопасность сотрудников посольства от каких-то враждебных выходов и посягательств извне. Это – основное. Ну, а личная жизнь дипломатов и обслуживающего персонала – лишь как некоторое дополнение к общему контролю за ситуацией. Понятное дело, если кто-то напьется и будет вести себя неподобающим образом, то вмешаться мы обязаны в любом случае. Я не говорю уже о чем-то более серьезном.

– А если деятельность сотрудника посольства вне его стен носит, мягко говоря, не вполне прогосударственный характер? Если она наносит вред России? Что тогда? – Лев испытующе взглянул на своего собеседника.

– Что вы имеете в виду? – настороженно уточнил Смирнов.

– Что, если господин Горбылин в своей деятельности допускал такие моменты, которые можно было бы назвать сомнительными с точки зрения дипломатической этики?

Улыбка окончательно покинула лицо Даниила, и он, сцепив меж собой пальцы и подперев ими подбородок, нахмурился.

– У вас есть какие-то конкретные факты? – спросил он задумчиво.

– У меня есть вполне обоснованные подозрения, что его смерть во многом обусловлена его двойной жизнью, – невозмутимо ответил Гуров. – Вам знакомо название – «медовая ловушка»? Это вербовка иностранными спецслужбами интересующих ее людей с использованием женщин определенной профессиональной принадлежности. То бишь проституток.

– Да, об этом способе вербовки я в курсе... – удрученно ответил Смирнов.

– Так вот... Как вы думаете, что это такое? – Лев положил перед ним платежную карточку с изображением кошки.

Повертев ее в руках, Даниил вполголоса прочел вслух:

– «Ласковая киска»... Улица Красивых Облаков... Ничего себе! – Он в упор посмотрел на Гурова. – Лев Иванович, а где вы это взяли?

– В мусорном ведре, на кухне квартиры господина Горбылина. – Гуров усмехнулся. – Местные полицейские, для которых, скорее всего, обладание подобным платежным средством – дело обыденное, на эту карточку во время обыска попросту не обратили внимания. Ну, а мне она показалась пунктиком очень занятным. И еще... Уборщица находила в квартире Горбылина пустую упаковку из-под антибиотиков, которые применяются при лечении гонореи. Думаю, надо будет уточнить у доктора посольства – не обращался ли к ней врио атташе с такими вот проблемами.

– Постойте! Если это было недавно, то патологоанатомы смогут без особых проблем установить на вскрытии – болел ли Горбылин гонореей? – оживившись, предположил Смирнов.

– Верно! – одобрительно сказал Лев. – Именно это и надо бы сделать. Вы займетесь?

– Да, конечно! – охотно согласился тот. – Сегодня же созвонюсь с местными судмедэкспертами и объясню им ситуацию. Лев Иванович, ну, допустим, факт болезни гонореей подтвердится. По-вашему, это дает основания считать Горбылина завербованным ЦРУ?

– А вы думаете – нет?! – в голосе Гурова сквозила нескрываемая ирония. – Вы не допускаете, что любой что-то более-менее значащий сотрудник российского посольства находится под неусыпнейшей «опекой» ребятки из Лэнгли? Что и за вами лично кто-то следит, и за нами со Станиславом Васильевичем теперь уже тоже следят... Я в этом уверен. О запросе нашего МИДа в МВД по поводу нашей командировки сюда они и в Москве могли разнюхать. И это им, конечно, едва ли придется по вкусу. А то как же?! Если вдруг вылезет, что Горбылин работал на них и они же его прихлопнули, когда он им стал не нужен, может произойти такой скандалище! Кроме того, будут проанализированы все наши провалы в военно-дипломатической сфере, и тогда станет ясно, что именно он им «слил». А это позволит принять срочные контрмеры и выровнять ситуацию. Это будет уже их прокол. И вечный бой, покой нам только снится... – смеясь, Лев процитировал Блока.

Изучающим взглядом посмотрев в его сторону, Даниил осторожно поинтересовался:

– Лев Иванович, а вы точно из угрозыска? Такое ощущение, что вы из ФСБ.

– Даниил, а где кончается уголовный сыск по части преступлений общеуголовных и начинается сыск по части той же уголовщины, только на международном уровне? – спросил Лев, задумчиво глядя в окно. – У нас со Станиславом Васильевичем есть хороший приятель, можно сказать, друг, из структуры ФСБ. И, знаете, нам иногда приходится работать с ним в тесном контакте. Очень трудно разделить сферу нашу и его. Чаще всего они переплетены настолько, что ему выпадает заниматься обычными уголовниками, выполняющими заказы международных бандитов и некоторых спецслужб, а нам – иностранными агентами, ударившимися в вульгарную уголовщину. И вообще... Что делить сферы деятельности? Оба моих деда прошли фронт. Мои отец и мать родились перед самой войной и много мне рассказывали о той поре. И я работаю не только на то, чтобы конкретный бандит сел за решетку, но и чтобы ни один забугорный бандит не пришел в наши пределы и не диктовал нам условия.

– Полностью согласен... – стиснув одну руку в кулак, а пальцами другой побарабанив по столу, Смирнов напряг лицо, что-то обдумывая. – Вы правы. Надо будет полностью проверить все служебные поездки Горбылина с инспекционными миссиями, с его участием в смотрах, учениях и парадах мексиканской армии. Знаете, мне и самому казалось несколько подозрительным, что он раза два-три в неделю ездил где-то что-то инспектировать. Правда, соответствующие приглашения от местного генштаба мы получали регулярно. Но нельзя исключать и того, что половина из них – липа. Тут ведь тоже есть и криминал, и коррупция... Организовать за деньги официальные приглашения – не такая уж и сложная задача. Эх, Горбылин!.. Так! Сейчас поговорю с шефом, пусть запросит Москву – кто его рекомендовал, как он сюда попал!

– Здорово! – одобрил Гуров. – Кстати, вам такого человека видеть не доводилось?

Он показал своему собеседнику рисунок с изображением мексиканца. Даниил, повертев его в руках, отрицательно качнул головой.

– Нет, вижу впервые, – ответил он. – Я так понимаю, этого человека видели рядом с Горбылиным? Хм-м... Скопировать можно? Тогда секундочку!..

Заложив рисунок в копир, Смирнов сделал несколько копий, пояснив, что обяжет всех, кто стоит на воротах, отслеживать – не появится ли этот человек? Например, вдруг у него были какие-то общие дела с бывшим врио атташе, которые оказались не завершены в связи с внезапной смертью? Вдруг тому понадобится что-то выяснить или раздобыть какие-то личные вещи Горбылина? Согласившись с тем, что эта мысль вполне резонная, Лев вышел на крыльцо и увидел шагающих по территории Крячко и Буряка. Они что-то оживленно обсуждали, смеясь и жестикулируя.

«Смотри-ка, – сдержанно улыбнувшись, мысленно отметил Гуров, – два друга – ветер да выюга... Похоже на то, что прогулка у них прошла не без приключений. Либо нарвались на кого?..»

...Его предположение оказалось абсолютно верным. Поход по магазинам на последнем этапе для Кости и Станислава и в самом деле обернулся весьма опасной стычкой с местными отморозками.

Сразу же после салона электроники Стас и его спутник отправились в местное отделение полиции. Узнав о том, что к ним в гости зашел «эль полиция руссо», местные стражи правопорядка этому удивились. По их словам, русских в Мехико видеть им уже доводилось, поскольку «руссо туристо» не всегда имели «облико морале» и, перебрав местной гордости – текилы, иной раз вели себя довольно несдержанно и буйно. Однако к визиту коллеги мексиканцы отнеслись с должным пониманием и уважением.

Константин, владевший испанским, как родным, в пожарном порядке переводил вопросы и ответы с обеих сторон. Станиславу, чего он никак не ожидал, пришлось выступить в роли интервьюируемого, отвечая на многочисленные вопросы о национальных особенностях работы российского уголовного розыска. В частности, ему пришлось рассказать о методиках поиска преступников, их изобличения и дознания. Как человек, не обделенный любопытством, задавал вопросы и Крячко, с чем-то соглашаясь, к чему-то относясь критически...

Но он не забывал и о главном, с чем, собственно говоря, и пришел. Показав мексиканским полицейским рисунки с лицом неизвестного, он даже не ожидал, что те быстро установят, кто это может быть. По словам сотрудника в чине капитана, который ведал здешним угрозыском, на портрете мог быть изображен хотя и не самый крупный «уголовный авторитет местного значения», но тем не менее личность в криминальном мире Мехико весьма примечательная.

– Это некий Мигель-Матадор, который в поле зрения полиции находится уже давно, – отметил капитан. – Ему за сорок, треть своей жизни провел в тюрьмах. Отбывал наказание за кражи, грабежи, торговлю наркотиками.

– А почему его называли Матадором? – спросил Стас, выслушав перевод Буряка.

Его собеседник рассказал, что в молодости Мигель мечтал о карьере матадора, поэтому окончил специальную школу и прошел практическую подготовку на арене корриды. Он даже был допущен к выступлению в качестве пикадора – младшей категории тореро. Но свою карьеру, которая начала складываться не так уж и плохо, он погубил сам, завязав драку с одним из своих коллег. Мигеля разозлило, что его одноклассника, который, как ему казалось, был бездарностью и трусом, начали готовить к сольному выступлению в качестве тореадора – главного участника представления, собственно говоря, и наносящего быку последний удар шпагой. Взбешенный этой, с его точки зрения, «вопиющей несправедливостью», Мигель завязал драку в раздевалке стадиона. Когда стало ясно, что соперника в честном поединке ему не одолеть, он схватился за нож... Тот матадор остался жив только благодаря чуду, но его здоровье было подорвано, и он уже не стал тем, кем мог бы стать, – звездой корриды. А Мигель, которого через несколько дней после драки в одном из притонов задержали полицейские, отправился в тюрьму на восемь лет. Там он и стал Матадором. Выйдя на свободу, Мигель занялся кражей произведений искусства и исторических ценностей. За это он снова попал в тюрьму на три года. Потом был срок за торговлю наркотиками.

Последний раз Мигель отсидел за грабежи и разбои. Где он сейчас и чем занимается – толком не знал никто. Были даже подозрения, что его нет в живых. И это неудивительно – Матадор обладал крайне вспыльчивым характером, мог затеять драку из-за пустяка. Из-за этого он и сам однажды оказался в больнице – поздним вечером, сцепившись с кем-то из собутельников на ночной улице у кабака, он получил удар ножом в живот. Но более сговорчивым и покладистым после этого он так и не стал.

– Мы возьмем на заметку ваше обращение и постараемся разыскать этого человека, – пообещал капитан. – Если нам это удастся, мы вам обязательно сообщим.

Попрощавшись с коллегами, Крячко изъявил намерение посетить торговый центр «Эль Кондор». Для этого им с Костей пришлось четверть часа путешествовать пешим порядком по городским улицам. По местному времени день уже близился к концу, но пешеходов не уменьшалось. Вскоре путники подошли к большому зданию, сверкающему стеклом и полированным металлом. И здесь было много людей.

Они поднялись по ступенькам к входу и прошли в огромный холл, оформленный в ультрасовременном, авангардистском стиле. Из него открывались входы в торговые залы, где хаотично перемещались толпы покупателей. Прямо напротив главного входа на второй этаж вели широкая лестница и эскалатор. Под сводами зала стоял гул голосов.

– Ничего себе! – оглядевшись по сторонам, озадаченно проговорил Стас. – Тут продавщиц-то больше сотни! Не говоря уже обо всяких там администраторшах, бухгалтершах и прочих...

– Ну и как мы поступим? – Костя вопросительно взглянул на него, растерявшись при виде слишком уж обширного «поля деятельности».

Станислав пожал плечами и, достав из кармана ветровки фотографии врио атташе, предложил:

– А давай-ка разделимся и походим каждый по своей половине этого «шопчика»? Потянешь? Мне так думается, ничего особенного тут нет. И, это... Говорить, что человек, изображенный на снимке, убит, давай-ка никому не будем. Это напрягает и отбивает охоту общаться. Скажем, например, что он наш друг, который застрял у какой-то своей ухажерки, а его ищут на работе. Пойдет? Вот и отлично. Кстати, а как по-испански будет: «Вам знаком этот мужчина?»

Буряк перевел.

– Как, как? Устед конофе айсе омбре? – запинаясь и спотыкаясь, повторил за ним Станислав. – Так что, ль?

– Пойдет! – заверил Константин.

– Ну и отлично! – заявил Крячко. – Значит, так! Ты идешь в ту сторону, я – в эту. Встречаемся здесь, у входа. Если тебе попадается та, что знает Горбылина, зовешь меня. Если мне – зову тебя.

Они разошлись и приступили к поиску, каждый в своем секторе. Однако их усилия оказались безрезультатными.

Встретившись, они поднялись на второй этаж и снова пошли в разные стороны. И вот тут-то Стасу вдруг улыбнулась удача. Одна из молодых продавщиц на его вопрос в ответ закивала, указывая изящным пальчиком с накрашенным ногтем на фото Горбылина. Ответив ей признательной улыбкой, Крячко поспешил созвониться с Константином. Тот прибежал почти сразу же и тут же перешел к делу.

– Мы с моим другом просим нас простить за отнятое у вас время, но нам необходимо найти нашего общего друга, который завис у одной из своих девушек и второй день не выходит на работу. Свой телефон он отключил. А нам сказали, что он встречался с одной из работающих у вас сеньорит. Как бы нам ее увидеть?

– Ах уж этот Макс! – укоризненно сказала девушка. – Да, он встречался с Сабриной из соседнего парфюмерного отдела, но она от нас неделю назад перевелась в филиал «Эль Кондора», который ближе к ее дому. Там она может до работы дойти пешком. А сюда ей ехать минут сорок. Это улица Святого Иакова, на пересечении с Университетским бульваром. Туда можно доехать на метро...

– Ничего, ничего, сеньорита, мы поедem на такси, – заявил Буряк.

Поблагодарив собеседницу и, наговорив ей кучу комплиментов, Станислав и Костя вышли на улицу.

Поймав такси, через полчаса они вышли у похожего на предыдущий, но меньшего по размеру магазина, зато с той же фигурной вывеской, гласящей: «Эль Кондор». Теперь искать им было несравненно легче. Войдя в холл на первом этаже, они спросили у первой попавшейся сотрудницы на кассе, как им найти новенькую Сабрину. Она указала на отдел напротив, где симпатичная шатенка что-то объясняла пожилому покупателю.

Едва девушка освободилась, Костя и Станислав подошли к ней. Увидев фото Горбылина, она удивленно посмотрела на этих странных двоих господ и растерянно спросила, по какому они вопросу и при чем тут Макс? Как и было оговорено заранее, Костя выдал все ту же придуманную ими версию о том, что их друг Макс где-то завис и не появляется на работе.

Пожав плечами, девушка рассказала, что сама его не видела уже дня три, а попытки до него дозвониться никаких результатов не дали – его телефон не отвечает. Кроме того, по словам Сабрины, Макс ветреный «чичероне», склонный к флирту чуть ли не с каждой встречной. Когда она перевелась в этот филиал, то он, приехав сюда, в момент закрутил роман с какой-то безвкусной, вульгарной девицей из соседней с магазином кафешки. Правда, на следующий же день он ей позвонил и попросил прощения, сказав, что любит только ее одну и больше никого. Они еще раза два после этого встретились, и позавчера он словно исчез из этого мира – и сам не звонил, и его телефон почему-то постоянно отключен.

Что касается деловых знакомств Макса, то об этом Сабрина вообще ничего не знала. Да, от него она как-то слышала, что он интересуется всевозможными раритетами и артефактами. Прогуливаясь по городу, они частенько заходили в антикварные магазины и лавки. Но это было в том квартале, где Сабрина работала ранее.

Поблагодарив девушку за то, что она согласилась с ними побеседовать, Крячко все же решил сказать ей о смерти Горбылина. Это известие ошеломило Сабрину. Она некоторое время молчала, отвернувшись от них и уткнувшись лицом в ладони. Потом, взяв себя в руки, утерла слезы платком и сказала, что наверняка к его смерти причастен усатый сеньор с лысиной на голове.

– Это, понятное дело, не он? – Стас показал девушке портретный рисунок Мигеля-Матадора, имевшего роскошную шевелюру.

– Нет, это был другой человек! – уверенно заявила та. – Я его видела всего один раз, и он о чем-то говорил с Максом по-английски. Как мне показалось, угрожающим тоном.

Выйдя из магазина, Крячко огляделся и увидел в некотором отдалении яркую, веселую вывеску небольшой харчевни.

– Похоже, Сабрина имела в виду именно эту забегаловку, – указав взглядом, резюмировал он. – Пойдем, заглянем... Слышь, Костя, тебе не кажется, что за нами кто-то следит? Вот шкурой чую, в спину – так и зырит, так и зырит!

– Нет, я ничего такого не ощущаю... – Костя недоуменно огляделся по сторонам.

Они раздвинули шнуровой занавес, побрякивающий закрепленными на шнурах крохотными колокольчиками, и оказались в уютно обставленном помещении с шестью столиками для посетителей, стойкой бара в углу и витриной с рядами блюд. Посетителей в этом заведении общепита было немного. За дальним столиком сидела пожилая пара, которая, что-то обсуждая, неспешно лакобилась кукурузными лепешками. Трое подростков в рекламных костюмах забавных дракончиков торопливо уминали картофельное блюдо с овощами и мясом. Их драконьи головы из поролонки лежали рядом на свободных стульях.

За стойкой бара маячила привлекательная барменша с пышной прической и со столь же пышным бюстом, она выжидающе воззрилась на новых посетителей. «Уж, не о ней ли говорила Сабрина?» – мысленно предположил Станислав, однако в этот момент с озлобленными, угрожающими воплями в помещение ворвались двое нехилого вида граждан в масках.

Один из них – крупный, мордастый «гринго» с толстыми волосатыми руками – держал перед собой пистолет, а у его напарника, черно-коричневого, политкорректно выражаясь,

афромексиканца, угрожающе поблескивал боевой нож, используемый морской пехотой США. Даже не зная испанского или какого-то иного иностранного языка, можно было безошибочно понять, что это – грабители, причем весьма агрессивно настроенные по причине переживаемой обоими наркотической «ломки».

Судя по их абсолютно пустым, ничего не выражающим взглядам, эти двое испытывали нешуточные симптомы абстиненции и уже давно превратились в законченных зомби. Они наверняка были готовы не только ограбить, но и убить всякого, кто станет у них на пути к вожденной дозе. Ошарашенная и деморализованная их появлением пара пенсионеров немедленно спряталась под стол. «Дракончики», уронив вилки, покорно подняли руки. Барменша с миной горестной досады, не двигаясь с места, просто молча наблюдала за происходящим...

Крячко и Буряк, обернувшись к налетчикам, неохотно подняли руки. Константин, который в подобной ситуации оказался впервые, ощущал себя так, будто пребывал в каком-то дурном, кошмарном сне. Да, на тренировках в ходе спаррингов на татами ему доводилось и самому наносить, и получать от партнеров болезненные удары. Но то была всего лишь условная схватка, где на кону не стояла жизнь. Это был учебный бой, который в любой момент мог остановить сэнсэй, тренер. А тут? Тут все реально – и оружие в руках отморозков настоящее, и вероятность получить пулю в голову или нож прямо в сердце крайне велика... Для Кости было невыносимо тягостно даже думать о том, что кто-то, жестокий и бесцеремонный, в любой миг, без колебаний и размышлений оборвет нить его жизни, до обидного тонкую и незащищенную... Подумалось даже: «Неужели мне суждено умереть сразу после того, как я объяснился с Женей?! О, Боже, какая обидная несправедливость...»

Он быстро взглянул на Станислава и поймал его уверенный, ободряющий взгляд. Это Буряка поразило. Оказывается, этот «настоящий полковник» ничуть не испугался! Это тут же придало Косте твердости и решительности. Сковывающий его тело страх отступил, вернулось ощущение реальности и мышечная память обо всем том, что когда-то он столь старательно постигал в секции карате. Теперь время словно замедлило свой ход. Вот, словно в замедленном кино, негр подносит нож к его лицу и запускает свободную руку в его карман. Непередаваемо мерзкое ощущение! Вот «гринго», оперев пистолет Станиславу в грудь, тоже проверяет его карманы. Вот Крячко молниеносным движением выхватывает оружие у «гринго» и, резко развернув корпус с одновременным выбросом согнутой правой руки вверх, отрывисто бьет его в челюсть локтем. «Гринго» со сдавленным воплем медленно и плавно летит назад...

Почти одновременно со Стасом, словно запрограммированный на параллельное срабатывание, Буряк резко выбросил правую ногу вперед и вверх, влепив ею точно в пах противника. Выронив нож и выпучив глаза, с диким воем негр застыл в полусогнутом положении, однако тут же последовал второй удар ногой точно в солнечное сплетение, и он, словно захлебнувшись собственным криком, скорчился на полу.

...Всего через пару минут прибывший в харчевню полицейский наряд столь же оперативно составил протокол о задержании двоих налетчиков, которые за минувшую неделю успели совершить не менее десятка ограблений. При составлении протокола мексиканских оперов очень удивило присутствие их коллеги из России. И «дракончики», и пенсионеры, и барменша в самых превосходительных тонах оценили своевременно принятые «двумя русскими сеньорами» меры.

Когда с формальностями было покончено и полицейские увезли задержанных налетчиков, Стас немедленно вспомнил о том, зачем они вообще зашли сюда. Барменша и прибежавшие с кухни официантка и повариха сразу же опознали в Горбылине «очень интересного сеньора», который не так давно пару раз заходил в их заведение. По словам барменши, в их заведение он всегда приходил один, разговоров по сотовому при ней не вел, о себе ничего особенного не рассказывал. Поэтому помочь «уважаемым сеньорам» она вряд ли чем могла.

Однако когда гости вознамерились уйти, и барменша, и официантка с поварихой закупорили собой дверь и объявили, что не выпустят их до тех пор, пока те не отведают их самых лучших блюд. Поколебавшись, визитеры были вынуждены сдаться на милость не в меру радушных хозяек.

Выйдя из харчевни, переполненные впечатлениями и съеденными блюдами Станислав и Константин отправились ловить такси. Взглянув на вечернее небо, Буряк восхищенно объявил:
– Какой сегодня день! Он один стоит целой жизни!..

Глава 6

Вечером Лев и Станислав, сидя в своей комнате, обсуждали итоги минувшего дня. Поскольку факты, раздобытые ими с утра, определенное осмысление уже прошли, опера делилась информацией последних часов.

Гуров рассказал об итогах своих собеседований с техническим персоналом посольства и результатах обыска в квартире Горбылина. Упомянул он и рассказ Еринцова о магическом секс-параде на улице Красивых Облаков. Выслушав его, Крячко недоуменно хмыкнул.

– Ну, надо же! Оказывается, Черепковский-то наш насчет секс-парада не набрехал! Смотри-ка! Та-а-а-к... Значит, там есть массажный салон «Ласковая киска», где гарантированно бывал Горбылин. Кстати! У меня такое ощущение, что Черепковский и Горбылин по характеру и всей своей натуре – прямо как братья-близнецы. Хотя внешне и не схожи.

– Да, родство душ налицо... – согласился Гуров. – Ты, я так понимаю, хочешь поставить вопрос о поездке кого-то из нас в этот салон? Ну, если считаешь возможным, рискни эту миссию взять на себя. Вон, с Костей завтра утром поезжайте... Вот только на секс-парад ходить, мне кажется, не стоит в любом случае. Нашему расследованию это ничего не даст, а нарваться на неприятности запросто можно. Уж если местные «крутяки» появляться там не рискуют, то нам на том «мероприятии» вообще делать нечего.

– Я подумаю... – изобразив задумчиво-многозначительную мину, обронил Крячко и добавил: – На месте посмотрим...

– Любишь ты искать приключения на свою задницу! – Лев сердито отмахнулся. – Приказывать тебе не берусь, но надеюсь, что у тебя самого ума хватит куда не следует не соваться. Так, что мы имеем на данный момент? Мы уже твердо знаем, что за пределами территории посольства Горбылин имел какие-то контакты с одним человеком, внешне похожим на американца, и с двумя мексиканцами. Личность одного из мексиканцев уже установлена – это некий Мигель-Матадор, уголовник и рецидивист. Кроме Сабрины, с которой у Горбылина были близкие отношения, он встречался и с другими женщинами. Но... Тут мы едва ли чего накопим...

Станислав в ответ хохотнул.

– Думаешь, женщина не может быть агентом иностранных спецслужб? И она не могла угостить его ядом?

– Ну и кого ты конкретно и в чем именно подозреваешь? – вопросом на вопрос ответил Гуров.

– А блондинка на «Роллс-Ройсе» тебе подозрительной не кажется? – в том же духе ответил и Крячко.

– Мне пока что ничего не кажется! – Лев помахал перед глазами растопыренной пятерней. – Я стараюсь опираться на факты. Считаешь, что это направление наиболее перспективное? Добро! Давай все силы бросим на поиски блондинки, чтобы в итоге многодневного марафона – если только он окажется успешным! – мы наконец-то смогли узнать, что она с Горбылиным всего лишь спала. Это будет, можно сказать, венец, апофеоз нашего расследования! Вот здо-о-рово-то!

Издав досадливое «Гм!», Стас почесал за ухом и примирительно пробурчал:

– Ну, ладно, ладно... Расходился, как холодный самовар! Значит, завтра с утра беру Костю и с ним гоноу в массажный салон. Что у нас еще?

– Из всех вариантов, который даст какие-то реальные подвижки, вижу личное дело Горбылина – надеюсь, завтра утром его копию мне уже дадут, – размышляя вслух, отметил Гуров. – Не исключено, оттуда что-нибудь да всплывет. Завтра, по идее, уже должны быть готовы результаты вскрытия и токсикологического исследования. Это тоже неплохие точки опоры, от которых можно оттолкнуться. Наш Петро, надеюсь, что-нибудь сумел накопать о «боевой

юности» врио атташе... Вот, пока только это. В плане широкого поиска, есть смысл объехать все те места в Мехико, куда Буряк возил Горбылина. При этом надо брать с собой фото, и тупо показывать его всем подряд. Шансы невелики, но, с одной стороны, мы какую-то информацию где-то, да получим, а с другой!.. – он хитро улыбнулся и вскинул палец.

– А с другой? – заинтересовавшись, Крячко даже подался вперед.

– А с другой, – Лев едва сдержал зевок, – этим самым мы неминуемо привлечем к себе внимание тех, с кем контактировал Горбылин, с кем проворачивал какие-то свои дела. Помнишь, как в «Бриллиантовой руке» опер советует Семену Семеновичу? Походите по магазинам, зайдите на рынок, будьте на людях... Кстати, идея неплохая! А то, что за нами здесь следят, – и к гадалке не ходи. Сомневаешься? Зря... Когда я из салона сотовой связи возвращался в посольство, то заметил невзрачного такого мужичка местной «выпечки», который за мной явно шпионил.

– Вот так! – сжатыми кулаками Стас разом стукнул по своим коленкам. – Вот это прибабах! То есть, надо понимать, следили они и за нами с Костей? Ешкин кот! Точно! Я еще почувал, когда мы вышли из «Кондора», что кто-то мне прямо в спине дырки взглядом сверлит. Тогда, выходит, налет на харчевню, возможно, был вовсе и не налет? Что, если это была проверка нас «на шивость» и заодно попытка затормозить расследование? Ну а что? Если бы они наши документы зацапали и унесли с собой, да еще и нас смогли отметелить, тут уже было бы не до расследования смерти Горбылина. Твою дивизию!..

Кивнув в ответ, Гуров резюмировал:

– Правильно мыслишь. Но из всего этого еще какой вывод напрашивается? Если эти двое наркош кем-то были на вас науськаны, то появляется шанс, выйдя на контакт с мексиканской полицией, этого самого «кого-то» персонифицировать. Их задержали при попытке вооруженного ограбления, и поэтому такая проделка не пятнадцатью сутками пахнет. Сидеть им теперь долго. Я так думаю, чтобы облегчить свою участь, защебечут они как канарейки.

– О! Точно! – Крячко азартно ткнул пальцем в потолок. – Завтра, как поедем с Костей в салон, первым делом заскочим в тот же полицейский участок. Пусть свяжутся со своими, чтобы те малость раскрутили наркош. Слушай, Лева! Я все думаю о темных делишках Горбылина. А какие именно аферы он мог тут проворачивать? С наркотой, с антиквариатом, драгоценностями? Как считаешь?

– Реальнее всего он мог заниматься махинациями с какими-нибудь раритетами. С наркотой – вряд ли. – категорично изрек Лев. – Наркота – это и не престижно, и риск повышенный, и мороки много. Нет! Раритет – намного удобнее. За крохотную вещицу можно выручить те же деньги, что и за здоровенную сумку кокаина. Выгода очевидна. А если учесть, что Мигель этим и промышлял, то вывод напрашивается сам собой. Не исключено, что Горбылин мог быть посредником между Мигелем и тем, условно говоря, американцем. У Горбылина дипломатический иммунитет, полиция и таможня обыскивать его не посмеют. Поэтому как «почтовый ящик» он был, можно сказать, идеальный вариант.

Слушая друга, Стас без конца почесывал кончик уха, что означало напряженное обдумывание чего-то необычайно важного.

– Да, ты, скорее всего, прав, – сказал он наконец. – Но тут возникает такая мысль... Если предположить, что Горбылина не убили, а умер он в результате несчастного случая, то наверняка какая-то их операция осталась незавершенной. Ну, зависла вся криминальная цепочка. Может, они и следят за ними по этой самой причине? Если бы они сами его грохнули, то чего им бояться? Помер и помер! Можно забыть. А тут как-то не так они реагируют...

Теперь уже задумался Гуров.

– Интересный ход мысли. Если ты прав, то можно сыграть вот на чем... – он хитровато прищурился. – Например, можно вбросить «дезу». А почему бы и нет? Скажем, организовать публикацию в какой-нибудь местной газете, чтобы намеками и полунанеками создать впечат-

ление, будто мы с тобой как бы уже догадались о подоплеке случившегося с Горбылиным. Более того – стоим на полпути к некоему предмету, переданному ему неустановленными личностями. Пусть понервничают, подергаются... Да, тогда контакты они постараются установить сто из ста... Добро, сейчас я набросаю текст статьи, отдадим Константину – пусть переведет на испанский. И тут же передадим ее в самую популярную здешнюю газету.

– Давай! Пиши, Лева, пиши! А я пока что телик посмотрю...

Включив телевизор, Крячко нашел трансляцию футбольного матча, лег на диван и уже через минуту захрапел под ликующий рев трибун. Лев, вооружившись авторучкой и бумагой, начал неспешно сочинять статью нужной направленности, с трудом удерживая себя от того, чтобы тоже не уснуть прямо за столом. Когда он исписал уже почти половину стандартного листа, неожиданно зазвонил телефон внутренней связи. Подняв трубку, он услышал чем-то знакомый мужской голос:

– Это пятая комната, второй этаж? А, Лев Иванович? Это говорит охранник, Мельниченко... Лев Иванович, тут приехала целая толпа местных телевизионщиков и журналистов, хотят вас видеть.

– Меня?! – Лев услышанному очень удивился, но тут же понял, в чем дело. – Это, наверное, по поводу задержания двоих грабителей в итальянском кафе «Огни Неаполя»?

– Да, Лев Иванович, да! – обрадовался такой сообразительности охранник. – Вы сможете к ним выйти? Они очень просят...

– Коля, скажи народу, что герой дня – а это Станислав Васильевич Крячко – к ним сейчас обязательно выйдет. Ну, минуты через три. Передай!

Положив трубку, Гуров решительно растолкал Стаса. Тот, уже успев увидеть пару вполне романтических снов, этим был очень недоволен.

– Лева! Обалдел, что ли?! – сердито заорал он, отпихиваясь обеими руками и норовя свернуться калачиком. – Дай поспать, японский городской!

– Подъе-о-о-м! – Лев снова потряс его за плечо. – На тебя свалилась общемексиканская слава. Целая бригада журналистов жаждет узреть твой мужественный лик. Ты же сегодня – герой дня, задержавший двоих грабителей.

– Ле-ва! Ну ее к черту, эту славу! – продолжал упрячиться Крячко. – Ты человеческий язык понимаешь? Я хочу спать!!!

– Я тоже, но дело – прежде всего! – начав свирепеть, почти прорычал Гуров. – Про нашу «дезу» не забыл? Вот тебе и мощнейший канал для ее вброса. Надо быть полным дураком, чтобы этим не воспользоваться.

Услышав про их общую задумку насчет дезинформирования местного криминалитета, Станислав сел на диване и, протерев кулаками глаза, тягостно вздохнул.

– Ладно уж! – проворчал он, срываясь в ванную.

Менее чем через минуту он оттуда выглянул и, продолжая торопливо наяривать зубной щеткой, не вполне разборчиво объявил:

– А ты тоже давай собирайся! Ты, что, думаешь, я один буду отдуваться перед СМИ? Ишь ты, хитрый Митрий! Ладно уж, про мордобой, так и быть, расскажу. А вот «дезу» вбрасывать будешь ты. Ты же у нас спец по всяким там головоломкам? Тебе и карты в руки. Кстати, Костю не мешало бы пригласить – он же там тоже показал себя как должно!

– А надо ли его дергать? – Лев с сомнением пожал плечами. – Вдруг он сейчас у Жени? Вдруг, обсуждают что-то очень личное? А тут я со своим звонком...

– Лева, а если бы вдруг сейчас ему начальство позвонило? – ополоснув лицо и утираясь полотенцем, Крячко громко зафыркал, как тюлень, резвящийся в своей полынье. – Что тогда? Звони! Мексика должна знать своих героев!

– Ладно, черт с тобой! – набирая номер на сотовом, отмахнулся Гуров.

Константин и в самом деле оказался в гостях у Жени. Узнав о том, что ему тоже придется стать героем телерепортажа, да и газетных публикаций, он по своей старой привычке начал было отнекиваться, но до слуха Льва вдруг донесся приятный женский голос, который мягко, но решительно урезонил:

– Костя, ну, не подводи людей! Раз просят, значит, надо...

К проходной посольства, где их в вечерних сумерках поджидало не менее десятка человек, трое из которых были с видеокамерами, они подошли втроем. С ходу взяв инициативу в свои руки, Гуров обратился к собравшейся журналистской снимающей и пишущей братии на английском:

– Леди и джентльмены! Сеньоры и сеньориты! Я – Лев Гуров, сыщик из Москвы, хотел бы представить вам героев сегодняшних событий – своего коллегу полковника Станислава Крячко и третьего секретаря посольства Константина Буряка. Именно они, проявив подлинное мужество, встали на пути грабителей и передали задержанных преступников в руки сотрудников местных правоохранительных структур. Должен отметить, по словам и Станислава, и Константина, полицейские прибыли очень оперативно и сработали профессионально. (Гуров специально сделал этот комплимент местным полицейским, чтобы у тех не было путей к отступлению, когда они со Стасом затребуют у них информацию по грабителям.) Ну а теперь слово – нашим героям. Прошу!

Кончиками пальцев он за плечи подтолкнул Стаса и Буряка к объективам видеокамер. Чуть откашлявшись, очень сжато и без лишних эпитетов, Крячко рассказал о сути происшедшего, высоко оценив роль своего спутника. Несколько урезав комплименты в свой адрес, Костя перевел сказанное на испанский. Отвечая на заданные им вопросы (не было ли страшно, все ли в России мужчины столь отважны, не питают ли они в душе зла к напавшим на них наркоманам), Крячко ответил весьма оригинально:

– Страшно? Было. И даже очень. Вот с перепугу мы их и задержали. Да, в России трое из пяти мужчин – смелы и отважны. Вы их всех в данный момент видите перед собой. Никакого зла к этим наркоманам не питал и не питаю. Я надеюсь, что их тюремная камера будет не слишком сырой, нары не слишком жесткими, а конвоиры их будут пинать не чаще трех раз в день.

После перевода на испанский ответы Станислава стали поводом для смеха и оживления журналистской братии. Информация о том, что не самый крупный по габаритам участник стычки – каратист с третьим даном, и именно он вывел из строя верзилу «афромексиканца», вооруженного ножом, всех основательно удивила. И тут одна корреспондентка припомнила, как год назад вечерней порой на площади Фонтанов на нее напал какой-то патлатый грабитель. Выскочив из толпы, негодяй попытался вырвать у нее сумочку. Но в этот момент оказавшийся невдалеке молодой человек – с виду вовсе не атлетической комплекции, бросился к ней на выручку. Проведя пару крепких ударов, он вынудил нападавшего отказаться от своих замыслов и кинуться наутек. Впрочем, защитник тоже поспешил скрыться в толпе. И вот она его увидела.

– Это же были вы? – с надеждой в голосе спросила хорошенькая креолка.

– Ну, в общем-то, да... – неохотно признался Буряк.

– Боже! Как я рада, что наконец-то смогла вас найти и поблагодарить! – девушка под аплодисменты крепко обняла вконец растерявшегося Константина.

Сообразив, что обычная, чисто человеческая благодарность в данном случае рискует трансформироваться в нечто иное, куда более глубокое и личное, Лев снова поспешил проявить инициативу.

– Сеньоры и сеньориты! – вскинув руку, заговорил он. – Должен вам сообщить, что у нашего друга Константина сегодня произошло долгожданное, радостное событие – он сделал предложение своей любимой девушке, и она ему сказала «да»!

Его сообщение было встречено восторженным «О-о-о!», поздравлениями и аплодисментами. Креолка, с сожалением выпустив Буряка из своих объятий, грустно улыбнулась и, что-то ему сказав, отошла в сторону.

К этому моменту место их импровизированной пресс-конференции постепенно обросло зеваками. Прибежали и двое полицейских, проходивших по другой стороне улицы. Видимо, им показалось, что у российского посольства кто-то опять надумал проводить несанкционированный митинг. Уяснив, что происходящее общественной безопасности и политическому климату никоим образом не угрожает, они тем не менее и сами остались послушать – люди-то живые, тоже интересно, тем более, что главными героями происходящего были их российские коллеги.

Незаметно окинув взглядом зевак, Гуров с удовлетворением отметил присутствие того самого мужчины, который несколько часов назад тащился за ним хвостом от салона сотовой связи. «Ага! – мысленно отметил Лев. – Ключули! Ну, добро... Сейчас подкинем вам такой информации, что кисло не покажется!»

Тем временем, уже при свете уличных фонарей и осветителей видеокамер, репортеры перешли к вопросам по расследованию, проводимому гостями из Москвы. Станислав, указав на Гурова, через Костю уведомил:

– Все вопросы по данному происшествию – к лучшему в мире сыщику Льву Гурову!

Усмехнувшись – ну, надо же, загнул – «лучший»! – Гуров в пределах допустимого, в самых общих чертах рассказал о сути случившегося с Горбылиным и о некоторых первых итогах расследования. Причем, не сказав, по сути, ничего конкретного и существенного, он сумел заинтриговать журналистов. Поэтому, едва Лев сделал паузу, на него тут же обрушился град вопросов: была ли замешана в этой истории женщина? Оставил ли Горбылин предсмертную записку, если считать его смерть самоубийством? Правда ли, что он работал на спецслужбы США?..

Внимательно выслушав Буряка, с трудом успевавшего переводить разноголосую скороговорку представителей прессы, Гуров понимающе кивнул и сказал о том, что и рад бы углубиться в детали, столь заинтересовавшие его собеседников, но в интересах следствия может ответить только в самых общих чертах.

– ...По поводу присутствия женщины. Да, этого мы не исключаем... – Лев дружелюбно улыбнулся работникам мексиканских СМИ. – Никакой записки не было. Это, безусловно, не суицид. Что касается работы на спецслужбы США или, например, острова Пасхи, то об этом нам ничего не известно – мы служим в угрозыске, а не в ФСБ. Но! Один секрет я вам все-таки открою. Он не тянет на сенсацию, однако вашим зрителям и читателям может быть интересен. Так вот, из неофициальных источников нам стало известно, что незадолго до смерти господина Горбылина ему был передан некий, пока что неизвестный нам предмет. Кто передал и для чего – мы тоже пока не знаем. Но уверены в том, что именно этот предмет в его судьбе и сыграл роковую роль. Именно он стал причиной того, что этот человек ушел из жизни. Мы во многом уже определили, где он может быть спрятан. Можно сказать, мы на полпути к разгадке всей этой криминальной шарады. Думаю, через несколько дней мы вам сообщим о том, почему и каким образом погиб господин Горбылин. Благодарим за внимание!

Покинув оживленно гомонящих репортеров, которые начали расходиться к своим машинам, опера и Константин Буряк направились восвояси. Гуров, заметив мелькнувшую в свете фонарей сутулую фигуру, иронично заметил:

– Приходил мой шпик, крутился там от начала до конца. Ну, теперь все... Подельники Горбылина гарантированно получают «дезу» – за это можно не беспокоиться.

– Ага! Видел я его. Такой, весь враскорячку, в темных очках, – хохотнул Стас. – Ну, они и шпика подобрали! Этого обалдую корявого даже не захочешь заметить – все равно в глаза бросится. Да, кстати, что вы там наreshали с Женей?

– Завтра подаем заявление... – улыбнувшись, тоном скромного человека сообщил Константин. – Распишут нас здесь, в посольстве. Жаль, вы к той поре, скорее всего, уедете.

– Ну, если срок ожидания месячный, то – понятное дело... – Лев рассмеялся. – Ничего, мы и так за вас обоих очень рады. Ну, давай, будь здоров! Удачи вам обоим.

– Кстати, Костя! – зевнув, сказал Крячко. – Завтра опять едем в полицию и еще на улицу Красивых Облаков – не проспй!

Когда опера вернулись к себе, Гуров объявил, что считает крайне недальновидным испытывать свой организм на прочность и поэтому немедленно ложится спать. Ну, а для здорового крепкого сна решил принять душ. Поколебавшись, Стас согласился – да, и в самом деле, надо бы бай-бай... Он вообще-то предполагал посмотреть телевизор, но какой смысл таращиться на телеэкран, толком не понимая по-испански? Насчет душа идея ему понравилась, и он тоже приготовил чистую смену белья.

Но тут неожиданно зазвонил стоящий на столе телефон. Лев поднял трубку и услышал молодой женский голос, который попросил позвать «Станислава Васильевича». Подойдя к телефону, Крячко поднес трубку к уху и даже просиял, взволнованно повторяя:

– Да, да, конечно, конечно, как только освобожусь, немедленно подойду! Розетка? О-о-о! Это очень серьезно! Меры примем! Да, да! Сейчас, сейчас, Лева! – положив трубку, и схватив в охапку все свои причандалы для душа, Стас изобразил просительную гримасу. – Ты не против, я ополоснусь первым? Ну-у, тут...

– У Вероники заискрила розетка... – хмыкнул Гуров. – Догадываюсь, какая именно. Понимаю! Первое правило электрика: не ходи чинить розетку, не помывшись в душе! Да иди уж, иди, сыщик-электрик...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.